

Ольга Апреликова
ГОРОД ЗВЕРИНОГО СТИЛЯ

16+

Ольга Апреликова

Город звериного стиля

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67696637

SelfPub; 2022

Аннотация

Подземля с ее древними чудовищами, ведьма Вит-эква, спелеология и геология, страшная красота Урала, нелегальные платиновые прииски, ожившая жуть мифологии Манси, Кунгурская Ледяная пещера, первая любовь и сам Город звериного стиля – все станет испытанием для силы духа героя и щедрости его сердца.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Цвет «Малахит»	6
Глава 3. Что-то белое	76
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Ольга Апреликова

Город звериного стиля

Предисловие

Дорогой читатель! Думаю, у этой книги много читателей, но я пишу тебе.

Это книга, хоть и написана в жанре фолк-хоррора, то есть мистической фэнтези, не совсем сказка. Даже совсем не сказка, скажу прямо.

Она про Урал. Край сам по себе волшебный, где лучший реалист – Бажов.

Она в значительной мере про геологов, волшебников своей науки. И совершенно точна и реалистична в отношении спелеологии, карстологии и геологии. Насколько это возможно в художественной книге.

И в то же время она про то, что наш мир по-северному многослоен, что мы обитаем в суровом мидгарде, под которым в недрах хельхейма спят чудовища и сокровища и древние боги манси. Но над нами – асгард, где живет любовь, дающая нам всем надежду на лучшее.

Она про людей, про чудовищ и ангелов внутри нас.

И про Урал.

Юрий Долотов, геолог и спелеолог, РСС

Глава 1. Цвет «Малахит»

1.

Со Снегурочкой что-то было не так. С виду правильная, шубка-кокошник, и сама девчонка красивая, длинноногая, и голос звонкий – на весь зал, музыку перекрывает, и вот познакомиться бы...

– А, это одноклассница теперь твоя, Богодай, из одиннадцатого «А», – директриса заметила, на кого он смотрит. – Хорошая девочка. И класс хороший. Елку к завтрашнему празднику репетируют, молодцы, – она посмотрела на маму: – Теперь после каникул жду документы, – керамическая улыбка и ему тоже: – Если хочешь, иди в зал к ребятам, познакомишься.

– Спасибо, но еще столько дел, – мама все нервничала.

Что ей сказать, чтоб наконец успокоилась? По большому счету Мур ведь на нее не злился.

– Нам к нотариусу, мы...

Снегурочка выпорхнула из дверей актового зала и едва не вцепилась в директрису:

– Ой, а нам бы еще один микрофон, а то...

Глаза зеленушие, как весна. Воздух вдруг стал не нужен, и Мур перестал дышать. А, так вот в чем дело: узоры у нее на шубе-то тоже зеленые. И на кокошнике – зеленые. Цвет

для Снегурочек совсем неподходящий. И косы нет, темные волосы распущенные, если погладить – шелковые, наверно... Какая ж она, эта одноклассница Богодай... Взять эту зеленоглазую себе и ото всех спрятать.

Богодай вся сверкнула, как изумруд, и снова уставилась на директрису:

– Я у завуча спрошу, можно?

Директриса милостиво кивнула:

– Спроси. Найдут тебе микрофоны. Да, вот новенький в ваш класс, знакомьтесь, – и вновь обратила внимание на маму: – Давайте провожу вас. Вы же понимаете, ситуация нестандартная, и...

От Богодай пахло яблоками. Стоять бы, дышать ею и любоваться. Мур спросил:

– Как тебя зовут, Снегурочка?

– Какая Снегурочка, – засмеялась она. – Не видно, что ли? Не узнал? Я – Хозяйка Медной Горы! Каждый новый год, с садика еще, всегда я – Хозяйка!

Что-то совсем из детства, зеленое и каменное, замелькало в голове. Но неясно:

– Я не в теме. В Петербурге на елках все больше Снегурочки, а не хозяйки. Расскажешь завтра? Во сколько приходиться?

– Откуда-откуда ты? – обомлела девчонка. – Ты что тут – к нам? Что, так бывает, что ли? С ума сойти! Оттуда! Зачем?!

– Семейные обстоятельства, – не вываливать же на нее са-

мосвал всех этих его сложностей. Да и вообще – не вываливать. Ни на кого. – Доучусь тут. С тобой. Слушай, я ляпнул, не подумав, – заторопился он. – Давай утаим это дело, а то чего объяснять всем.

– Культурную столицу тебе не простят, – нахмурилась девчонка. И тут же засмеялась: – Ладно, договорились, но, чур, мне ты правду расскажешь, чего вдруг тебя сюда занесло. Давай, завтра приходи, поможешь. И если что, ты теперь – мой парень, понял?

– Какая скорость, – восхитился он.

– А что, есть возражения? В Петербурге плачет чье-то верное сердце?

– Какие могут быть возражения под взглядом таких глаз!

– Цвет «малахит», – загадочно усмехнулась девчонка. – До завтра, да? Смотри ж, ты обещал!

– Ты тоже!

Снаружи снега, крыши, деревья стали синие, пахло тоже яблоками – разве зима может так пахнуть! Как Богодай совсем. Странная какая фамилия. Что, эта изумрудная одноклассница так и будет мерещиться? А чего ж. Красивее ведь всех девчонок, что он видел. Пусть мерещится. Только она-то что в нем увидела? Он ведь простой. Разве что парня из Петербурга? Хотя что ей до этого? Какая корысть?

Снег. Сыпало сверху, мело по белым дорожкам; в громадах строящихся домов напротив школы сверкали синие огни сварки. Какой же синий этот город. Весь день казалось, что

они сошли с поезда по ошибке, что реальная жизнь осталась далеко за бесконечно гроыхающим мостом над белой в синих торосах Камой, на том берегу – а тут что-то совсем другое, колдовское, как сам этот морозный город. Мимо прохромала странная, как из прошлого века, в черном, длинном до земли, старуха – она зачем-то несла старую, в облезавшей краске, деревянную лыжу – одну. Может, тут в самом деле ведьмы водятся? Следом промчались мелкие пацаны с клюшками наперевес и коньками за спиной.

– Тут раньше в каждом дворе хоккейные коробки были, – сказала мама. – Ну что, родной, не передумал? Школа-то так себе.

– Школа как школа, – он оглянулся на композицию из двух слепленных трамвайчиком зданий, двухэтажного старинного и громадного советского. – Странно как-то, разве так строят? Да какая теперь уже разница. Полгода всей этой школы, и все. Не волнуйся. По-моему, мы все правильно сделали.

– Не уверена. Ну, твой дед, тебе и решать. Наследство.

– Хибарка под снос, – отмахнулся он. – Просто интересно стало. И... Да, я деда пожалел. Он так захотел, чтоб я остался, что сразу это смешное наследство и предложил. Ему одиноко.

– Добрый ты, Мурашка. А наследство не такое уж смешное. Не в хибарке дело, а в том, что под ней. Смотри, это ж практически центр, тут земля уж поди диких денег стоит.

– Так ты потому не против, чтоб я остался?

– И потому тоже. Я... Мне кажется, ты тут... Счастливее будешь. Я ж тоже вижу, как у Петра Петровича глаза светятся. Но... Сложный он человек, скрытный. Вот ты веришь, что он не может позвонить твоему отцу?

– Экспедиция же, – Мур пожал плечами.

– Зимой? – Мама поежилась. – Тут вон стужа, а на Северном-то Урале... Все вышки связи перемерзли, что ли?

Мур и сам понимал, что зимой геологи не выезжают. Ищи там ископаемые-то под снегом и льдом, как олень ягель, ага, в мороз. И тут-то вон какая доисторическая холодина. В общем, отца в городе нет, документы не подписать, значит, никакой заграницы. Хотя Мур и раньше там не бывал, в каникулы хватало дачи. «Обойдетесь», – говорил отчим и улетал в Европу «по работе», а они втроем и мама оставались на шести сотках кормить комаров и поливать редиску. Редиска была невкусная, едкая.

Хоть отчим и в самом деле, наверно, крутой специалист, им с мамой, наверно, сложновато было растить их троих. Какой уж тут туризм. Сколько он помнил, мама всегда была грустная, экономила денежки. И сейчас: смотрит на все вокруг без улыбки, вроде бы даже с испугом. Когда ждали автобус на остановке, мама добавила тихонько:

– Не очень я деду верю. Скрывает он что-то. Ну, как это так, что он не знал о тебе? Может, и на меня в обиде, что тебя увезла, да и вообще утаила. А тебе он потом ту правду,

которая ему правдой кажется, раскроет, родному-то внуку, – она вздохнула. – Кто еще обижаться-то должен.

Подкатил красный автобус с медведем, нарисованным на боку. Внутри народ предновогодний, и кто-то елку на задней площадке везет. И опять эта черная ведьма с лыжей, стоит посреди автобуса, всем мешает. Во рту у нее что-то светится? Да нет, показалось. Окна заиндевели. Мама вдруг, как девчонка, подышала на стекло двери, долго смотрела в дырочку. Через пару остановок они сошли, и мама сказала:

– Ой, а Разгуляй-то вон сносят.

– Что сносят?

– А казалось, он будет всегда... Вот, райончик у дамбы, весь левый край у лога. Город триста лет назад отсюда начинался.

Мур узнал горстку белых крыш черных домишек, сбившихся на пяточке между современными громадинами и обрывом в лог. Тут живет дед.

– Домишки маленькие, ветхие. Видишь, как новая-то застройка прет, город не узнать. Жить-то людям нечем, только стройкой. Заводы оборонные давно уж позаброшены. Так что и тут все застроят. Как Петра Петровича домик-то уцелел? Чудо, а то б не нашли никого. И что он не уехал отсюда за столько лет, не пойму? Ждал, наверно, когда эта земля под хибарками золотая станет, наверно, – мама все смотрела и смотрела по сторонам. – А за логом уж Мотовилиха... Все равно не жалею, что уехала. Не вернусь сюда больше. Места,

где плохо пришлось, потом никак не полюбишь.

– «Плохо пришлось»?

– Дело прошлое. Надеюсь, тебя-то Урал не сожрет. Меня вон не успел, поперхнулся. И ты насовсем не оставайся. Смотри, в пять нотариат, пока еще можешь передумать, а потом – все.

– Мам, не передумаю я. У вас там дело долгое, пока устроитесь еще, пока близнецов там в школу, пока финский учить. Еврики не лишние, чтоб на меня еще тратить, на такого лосся. Во-вторых, тут интересно, как в параллельном мире. Все другое. Станный город.

– Ты не представляешь, насколько, – усмехнулась мама. Она тоже знала, что без него ей будет легче. Во всех смыслах. – Ладно, твоя жизнь, сам решай, что с ней делать. Большой уже. Может, так оно и к лучшему, себя узнаешь, повзрослеешь. Деньги буду присылать. Я тебе что могла – предложила, но... Сынок, серьезно, как только что – уезжай домой.

– Что «что»?

– Если б я знала! Мало ли!

Она все нервничала. Как будто боялась этого города. А еще боялась, что Мур ее осудит. Потом он жалел, что не догадался в этот момент остановить ее и обнять. Он бы тоже на ее месте нервничал. Всю его жизнь она скрывала, что отец, оказывается, не умер. Зачем? Что, Мур бросил бы ее за малейшую обиду и помчался к папочке? Что у них там стряс-

лось? Может – он сам и стряся? Мало ли. И дальше бы скрывала, и он бы принимал все как данность, нет отца и нет, обычное дело, вон у половины одноклассников отцов днем с огнем не найдешь. Жизнь как жизнь.

Но осенью про отчима вдруг вспомнила та финская фирма, с которой он работал раньше, когда его предприятие проектировало и строило для финнов горнопроходческое оборудование, и предложила крутую работу на самом севере Финляндии, и можно взять с собой семью – кто ж откажется. Мама занервничала. Потому что городок этот в Лапландии, где рудники, и нужно, чтоб это самое оборудование работало, уже за Полярным кругом. Надо паковать чемоданы – а Мур неожиданно стал семье проблемой. Мама занервничала еще больше. Муру еще не исполнилось восемнадцати, и требовалось разрешение на выезд от родного отца. И мама созналась, что не то что никакого свидетельства о смерти нет, но и вообще отец живет своей жизнью на Урале, и, видимо, за разрешением придется туда ехать, искать его, а то не дозвониться. Вот и приехали. И, хоть разрешения не добыть, поскольку отец в экспедиции, Мур верил, что, похоже, приехали не зря – в каком-то еще более важном смысле. Здесь-то он не лишний, здесь вон у него – родной дед, настоящий, и отец где-то, можно будет с ним потом как-то встретиться. И больше не быть безотцовщиной. И пасынком отчиму не быть. А быть... Кем? Собой? А он сам – кто? Ну, в общем, никто.

Как же вести себя при встрече с отцом? Стрясется же когда-нибудь эта встреча. Все эти дни и дома, как решили ехать, и в поезде, провожая глазами черно-белые, будто простым карандашом нарисованные ландшафты за вагонными окнами, Мур чувствовал себя как в безвоздушном пространстве: зачем ему отец? Считаться теперь с ним. Ладно он сам – пацан, который ничего не знал, но отец-то что – плевать ему было, что есть сын, что нет?

Временами шел снег и стирал страну снаружи «Демидовского экспресса» окончательно. В снежном стекле отражались стаканы с темно-кирпичным чаем и ярко-желтыми кружками лимона, сверкали ложки и подстаканники с вензелем «РЖД» – мама все пила чай, хрустела ванильными железнодорожными сухариками, наверно, чтоб не нервничать.

И с мамой – как ей теперь верить? Почему она скрывала? Он так и не решился спросить. Боялся, что для мамы этот повод приехать за документами – что-то вроде мести отцу, мол, посмотри, я все смогла сама, сын взрослый, смотри-смотри, мерзавец, сколько ты упустил. Мама умная, конечно, да только весь ее ум замешан на эмоциях. Не разобратся. Нет уж, пусть они, взрослые люди, живут как знают, а он тоже будет сам по себе.

И вообще Мур сомневался, что понравился бы отцу. Тот – геолог-экспедиционер, такие ценят сыновей крутых, у которых руки откуда надо растут, а Мур что: худой, тупой, ниже всех парней в классе, и кем быть – до сих пор не знает.

Мама хочет, чтоб юристом. Отчиму – плевать, главное, чтоб на шее не сидел.

В Лапландию-то захотелось, когда отчим влез на пьедестал с этим карьерным достижением и завел лекцию, как надо ценить возможности, что он им всем теперь предоставляет, потому что крутой специалист, незаменимый, что его даже в такие трудные времена вот пригласили. Наверно, поучиться где-то в Турку да хоть и в Лапландии – идея крутая, другая жизнь, Европа и все такое, даже отчима можно бы и потерпеть. Построить себе какую-то совсем другую жизнь.

Но Урал – это тоже другая жизнь. И возможности. Самый край Европы, за горами – уже Азия. И город этот, на холмах, прорезанных логами, на берегу широченной реки, за которой синий океан тайги, правда странный. Как будто на голограмму современного многоэтажного города с бесшумными сверкающими трамваями и красными автобусами наложили другую, старинного купеческого городка с нарядными игрушечными особняками. Колдовство какое-то. Эти старинные домики среди теснин многоэтажек, заваленные снегом чуть ли не под самые крыши, со столбами белого дыма над трубами – серьезно, там печки топят! – казались декорациями к фильму про царскую Россию. У деда почти такой же, врос в грунт, как кусок уральской геологии, кирпичным первым этажом. А второй – из бревен, почерневших лет за двести-триста. Мур таких домов и не видел никогда. Наследство, ага. И двор еще, и... Неужели в домике этом правда

можно пожить?

А дед-то добрый. Он обрадовался Муру. Может, ему не важно, какой Мур, тощий или мощный? Главное, что внук.

– Давай за дедом и к нотариусу скорей. Потом я в гости-ницу, – сказала мама, не отрываясь от экрана телефона. – Ты со мной или у деда уже останешься?

– Я хочу с ним поговорить.

– Ох, передумал бы он... Ну зачем тебе это все? Пожил бы до лета один, – опять завела мама волшебную сказку, которая с сегодняшнего дня уже не имела значения. А мама все в нее верила: – Подучил бы английский, приехал бы к нам, поступил бы в университет в Хельсинки или в Турку, потом...

– Мам, не начинай опять. Я справлюсь. Сама подумай. На кой я вам там в Финляндии сейчас? Осмотрюсь тут, а там и лето, и день рождения. Никакого разрешения не надо будет, захочу – действительно приеду к вам.

– Захочешь? Это вряд ли. А может, и правда, тут поступить проще, а там и в Петербург переведешься. Господибо-жетымой, зачем тебе этот город? Обидно. Я так старалась уехать, а ты...

– Мам, да ну что ты сразу? Что я тебе, деревяшка, чтоб меня гвоздями к одному городу приколачивать? Мир большой, городов много. Поживу, посмотрю. Тут вон как интересно.

– И девочки красивые.

– Девочки везде красивые.

– Эта малахитница – хитрая какая-то, мне показалось.

– Ну мам!

– И дед тоже чего-то хитрит. Может, пестерь передать хочет?

– ...Что передать?

– А, так, суеверия... Давай уедем, Мурашка? Ну, не поедешь с нами сразу, правда один поживешь до лета, все-таки подготовка, репетиторы...

– Мам, обещаю, что поступлю летом, не волнуйся. Может, и не на юридический, но поступлю. Чтобы ты не переживала. А вообще... Ну пойми. Я просто не хочу быть лишним. Я уж столько лет... Терплю. А тут отчима нет, терпеть-то больше не надо! Можно просто жить. Тут я вроде не лишний, вон как дед обрадовался. Да, и разобраться надо. И вообще – мам, ты только посмотри, какое тут все... Даже мороз не злой, а зима – синяя. Как в волшебном мире. Другое.

– Другое, да. Ты поэт, Мурашка, – грустно сказала мама. – Хочется – оставайся. Я же счастья для тебя хочу. Но мне страшно. То на глазах тебя держала и знала, что ты в безопасности, а теперь живи и бойся, как ты тут. Это опасный край. Урал – страна другая, люди другие. Не злые, да, но... Не знаю. Другие.

2.

Гирлянду пришлось переплаивать, звук устанавливать, потом декорации таскать – да хоть сто декораций, этих фанер-

ных щитов, хоть тысячу! Лишь бы только эта одноклассница Богодай попросила. А вот потому что.

А еще... О-о.

А глаза большие зеленые или неизвестно какие там под малахитом, но это и не важно. Сама умная. Как она слушала, как смотрела. Зовут ее смешно, «Долли», но он быстро привык. А еще как карамелька на вкус, сладкая ледышка – Долли. Долли Богодай. На самом деле просто Дашка она, но вот вычитала в десятом классе в «Анне Карениной», что там героиню Дарью Облонскую как-то неожиданно не по-русски «Долли» зовут, и сразу решила, что так, мол, взрослее. А Мур обалдел от «Анны Карениной» – это кто ж сейчас такое читает? Точно, здесь другой мир, другие люди. Он-то еле «Войну и мир» домучил в десятом, да и то лишь из-за Пьера, тезка же, Петр. А Муром он сам себя прозвал года в три. Нормальное имя, может, и короткое, но зато только его.

С утра они вдвоем были, кажется, во всей школе одни, как на Приполярном Урале, и через час уже целовались, и она обняла его, как никто никогда, и прошептала: «Мурчик, какой же ты худой!» Кобальт намалеванных деревьев на декорациях ожил, они зашевелили ветками, куда-то полетел снегирь, щедро и мягко посыпался с белого потолка снег... Потом пришли одноклассники, еще человек семь, а Долька без комплексов льнула к Муру на глазах у всех – парнишки вроде напряглись сначала, помрачнели, а может, показалось. Нормальные парни. И девчонки тоже. Говорок только у

них смешной. Ну, и смотрят все, смотрят. Присматриваются. Рослые все, крепкие, что он им – мелкий, ростом не выше Дольки. Ну и что.

Потом резко стало некогда, повалила младшая школа: ни одной снежинки или зайца, все больше медведи, да Огневушки-Поскакушки, да Данилушки в фартуках с картонными молотками, и еще какая-то девчонка высокая, худая-худая, вся в синем и с длинными синими косами из пряжи; забегали взрослые, началась елка. Долька засияла в центре зала, как все уральские изумруды сразу. Какая же она красивая, темноволосая, зеленоглазая! Вот ведь тайная сила!

Мур следил, чтоб со звуком все было нормально, и смысл представления улавливал поскольку-постольку, ревнуя сперва слегка к кудрявому рослому «Данилушке» из одиннадцатого «Б», но потом оказалось, что у того своя невеста, и добро побеждает зло в лице коварной Хозяйки Медной горы Дольки. То есть любовь и верность, все такое. А он бы сам что выбрал? Каменный цветок – это ж бессмертие в мастерстве, нет? Надо сказы прочитать. Пока ясно, что он точно выбрал бы малахитовую Дольку, а не одноклассницу ее в сером платке и зипуне каком-то горнозаводском, Данилушкину невесту.

Между елками они опять целовались. И ели яблоки.

Вечером, как проводил, шел домой в странное это место Разгуляй и улыбался. Ксенон двойчатками сиял сквозь пар, бесшумно плыли мимо космические трамваи в новогод-

них огоньках. Мороз пер синий, как деревья на декорациях, щипал лицо. И опять все пахло яблоками. Снег повизгивал, жесткий. Стужа. Талый-то снежок дружелюбней. Мур вспомнил, как классе в девятом на даче в гости привезли фигуристую девчонку, и они с близнецами притихли: с отчимом не угадаешь, не с сестрой-братом ли сейчас познакомят, когда одинокие-то тетки с детьми в гости. Отчим, удалец, сам не знает, сколько наплодил: «Пусть наших будет больше!». Мур раньше думал, что не будь его, Мура, чужого, мамино-го, отчим бы так флагами не махал мимо проходящим флотилиям и маму бы не огорчал. А потом понял, что не в поводе дело, а в неистребимом стремлении к превосходству в количестве: деньги, машины, дети, квартиры, женщины. Такая порода ненасытная. Хапок. Хочет всегда крутым быть – а в главном, в человеческом, прокалывается. Век бы его больше не видеть. Правильно Мур все-таки решил здесь, в этом синем городе, остаться. И так отчиму во всем обязан, так хоть Финляндией и прочей заграницей потом всю жизнь попрекать не будет. И маме без Мура с ним проще делать вид, что они семья обычная, папа-мама-близнецы, без отягощения в виде добрачного пацана.

Та фигуристая, кстати, оказалась не сестра, ф-фух; а как гости наконец отбыли, Мур с близнецами, им тогда по тринадцать было, погнали за дом, и такууую девку слепили в саду! С такими полушариями! Аж отгалкивали друг друга: «Пусти, я ж тоже погладить хочу!» И отчим пришел, сам пя-

терней вокруг по круглому гладкому-то, шевеля усами, покрутил. Снежная девка скалилась, глаза – кусочки шлака.

Близнецам теперь за финками белобрысыми ухаживать, – он даже посочувствовал. Они хоть и младше его на два года, а уже переросли, лоси, одни девки на уме. Сами белобрысые, как финны. Хоккеисты. А он – другой, невысокий, темново-лосый. Мурашик, как мама зовет. В дедову породу, оказывается, в отцовскую. Одно лицо с молодым отцом со старых фоток, что дед вчера показывал – фотки тряслись в руках. Бедный. Ну ничего, успокоится.

Мур думал, что остался потому, что деда жалко, а теперь и сам не знал. Долька же. Так что на уме тоже не без девчонок. Тем более вон как повезло. Интересно, не знай Долька, что он из Петербурга, стала бы так ластиться? Может, если все нормально будет, на весенние каникулы свозить ее в Петербург? Мама ключи ведь оставила. И в квартире там будет – вот никого!

И вдруг дошло: мама-то рано утром уехала – села на такси и на вокзал, все! Началась другая жизнь, самостоятельная, а он думал только про Дольку малахитовую эту, и даже не заметил новую жизнь. А ведь – правда все, детство в прошлом. Теперь – сам. Он даже остановился, посмотрел вокруг: снег, дома, люди, чужой город. Ну, как чужой – теперь, считается, и его. К тому же вон у него и в паспорте что написано? «Место рождения гор. Пермь». Удивился в четырнадцать, но это тогда значения не имело. А сейчас? Дед вон до сих пор

обалделый. Сказал вчера: «Мурашонок ты, не подделать». А это потому, что у Мура фамилия как у деда и у отца, Мураш. Уральская такая фамилия, объяснял дед, втолковывая что-то там про Мураша – царя муравьев и про золото в самородках, но Мур думал тогда про Дольку и не очень понял про мурашей и золото. Ладно, главное, дед счастлив.

От школы и Долькиного дома в Разгуляй – как на другую планету, вернее, в другой век: через большую улицу и мимо зеркального нефтяного дворца, и дальше в прошлое мимо древнего трамвайного депо, похожего на приплюснутый кирпичный замок. Странно как: депо есть, а рельс из него нет.

Он углубился в заваленные снегом улочки-переулки. Некоторые дома не казались жилыми, в других светились желтые окошки и вели к калиткам прорубленные в сугробах траншеи. Пахло дымом. Тут они, замерзшие и растерянные, бродили с мамой еще вчера утром, она искала по памяти, где дом деда. А теперь Мур знает, где. И идет туда – домой.

Так, вот почти развалившийся дом без крыши, вот заиндевевшая стена какого-то сооружения, зачем-то обшито-го внахлест листами кровельного железа, вот бело-розовый, как пряник, дом со старинными коваными решетками в окнах почти у самой земли, а вот и дедова усадьба. Окна в кирпичном первом этаже тоже вон в землю уходят, надо спросить, сколько ж домику этому лет. Верх черный от времени, в крайнем окне, где кухня, свет за смешными, на пол-окна

снизу, выцветшими занавесками. Тропинка к калитке, потом черные от времени, кривые ворота, которым тоже, видать, лет двести, в землю всосало, не открыть больше никогда. А дальше еще домик, как дедов, только в два раза меньше, по паре окошек вверху и внизу. О, а в первом этаже вон свет сквозь сугроб пробивается. Значит, обитаемый. Что там за соседи, интересно.

Мур вошел во двор, вычищенный от снега почти до каменных плит, которыми был выложен. Дед вчера между делом сказал, что это называется «лещадь», мол, так часто мостили дворы на Урале. Куда дед снег-то деваает? Под навесом, под чуть покачивающейся тусклой лампочкой в жестяном абажуре, треугольными торцами светлели дрова, как непонятная мозаика, и посверкивал воткнутый в колоду топор. Девятнадцатый век. Сарай рядом, дед сказал, бывшая конюшня – интересно, что там у него сейчас? Он посмотрел на соседский дом напротив: ой, дверь! Тоже в землю вросла, к порогу вон даже углубление со ступеньками вниз, расчищенное, и дверь сама такая богатырская, в пятнах шелушащейся краски, а в кованых петлях – здоровущий амбарный замок. Хм. Мур вернулся на улицу: точно, вон светится снизу в окошке рожим. Он обошел маленький дом, посмотрел с угла: тут улица поворачивала, и дом торчал бревенчатым сверху, а снизу кирпичным, когда-то беленым боком над сугробами и едва расчищенной, одной машине проехать, полосой проезда. Никаких дверей в этой стене не было. И окон

тоже. А дальше забор из бетонных плит и чей-то гараж, потом фонарь и еще гараж – и тупик, вернее, тропинка вниз, в лог, налитый чернотой. Мур поежился и вернулся во двор: в маленьком доме дверь. Замок. За тыльную часть маленького дома заходит навес, там дрова. Значит, что, дед кого-то на этот замчище огромный в маленьком доме запер?

Дед наварил картошки, накрошил ядреного лука в квашеную капусту, нажарил мяса – промерзший Мур очнулся, когда стало тяжело дышать. Тарелки у деда были громадные, фаянс от времени потемнел, потрескался – и на дне каждой был нарисован здоровенный паровой молот и написано: «Мотовилиха». Вообще дедов быт был внушителен. В углу печь с плитой, на ней черные громадные чугуны с кипятком. На стене – сечки, топорики, эмалированные тазы. Ножи и поварешки торчали из здоровенного латунного стакана, присмотревшись, Мур прочитал маркировку: «Снаряд осколочно-фугасный». Гильза! Дед проследил его взгляд и хмыкнул: – «Урал – опорный край державы»¹, слышал?

Мур помотал головой.

– Это у меня дедынька на Мотовилихинском заводе работал, победу ковал. И батя с ним, пацаном еще совсем, в одиннадцать лет, дед под свою ответственность взял, обучил на фрезеровщика. Так батя всю войну на ящике простоял у станка.

– В одиннадцать лет? – ошалел Мур.

---

¹ А. Твардовский

– Взяли. Такое время. Таких, как он, на заводе полно было, постарше, правда, лет тринадцати-пятнадцати. За ударный труд банками варенья награждали. А пацаны убегали, конечно, к черту, мол, ваше варенье, подай свободу, а их чекисты ловили да опять к станку, спасибо, не стреляли, а то вообще б работать некому. Рабочий день по двенадцать часов без выходных. Война. Но мать-то, бабка моя, померла, а что парнишке одному по улице валандаться. Шпаны-то, да беглых, да спецпереселенцев, да мобилизованных и черт знает на что уполномоченных, да простого ворья тут тучи ходили. В цеху тепло, хлеба как мужику дают, по норме рабочей – все парню лучше под отцовым присмотром, да и чекисты не прицепятся. Вот так и выжили...

У Мура оледенели щеки и мороз прошелся по спине. В одиннадцать лет он ленился учить параграфы в детских учебниках и боялся драться – вот и все неприятности. И мама не разрешала самому газ зажигать. А тут – станок размером с комнату. Цех. Завод.

Дед смотрел на него словно бы испытующе. Усмехнулся:

– Урал – дело такое. Судьба Москвы в войну решалась тут – сколько работяги снарядов выточат и сколько пушек отольют. Ну, меня-то батя на завод не пустил, сказал, иди учись... Что, внучок, наелся? Еще, может?

– Наелся. Спасибо, деда!

Странно, но с первого дня Муру легко было называть этого чужого седого старика, совсем незнакомого, добрым ска-

зочным словом «дед». А дед, конечно, был всем дедам дед. Борода, рубаха клетчатая, штаны в заплатках. Совсем бы простак с виду, да вот только вчера у нотариуса Мур видел его в костюме, который сидел на деде так же привычно, как домашняя рубаха. И еще Мур видел жуткое количество книг, заполняющих все комнатухи дома по всем стенам – словно книги были его внутренней оболочкой. В кабинете – стадо компьютеров и на столе книги с дедовой (и его!) фамилией, после которой шло «доктор геолого-минералогических наук, профессор». И еще всякие слова про Пермский Университет и Горный Институт РАН. Ну, и везде полки с камнями и рудами. Родство, конечно, исключает выбор, но Муру казалось, что если б можно было б деда себе выбирать, то он выбрал именно такого. Профессора с топором. Или с кайлом? Геолог, ну надо же.

– Дед, а отец тоже геолог?

– Диссертацию по карсту защищал. Сейчас – другие интересы у него. Более... Прикладные.

– Он тут, с тобой живет?

– Нет, у него вон в новостройках над Камой квартира. Сдаем. А в Кунгуре у меня еще дом, я тоже тебе отпишу.

– Почему мне?

– Потому что ему не надо. Съездим с тобой на днях, дом проведем.

– У него еще дети есть?

– Ты один, – дед пожал плечами. – Да теперь-то я уж не

уверен, мож, он еще кого прячет. Но жениться – не женился, нет.

– Зачем же прячет? Да, дед, кстати, а ты-то сам кого в маленьком доме прячешь? Там свет горит внизу, я с улицы видел. А дверь во дворе – на замке?

– Много будешь знать – скоро состаришься, – усмехнулся дед. – Да мастерская у меня там, парень, я забыл, видать, свет погасить. Бог с ним. Все равно все твое будет... Покажу потом, как пойму, что ты за камешек. С виду-то вроде не пустая порода. Ну что, как в школе? А в школу-то в какую поступил?

– Где взяли. Большую улицу, по которой трамваи ходят, перейти и дальше почти все время прямо-прямо. Можно на автобусе, можно пешком минут двадцать. Около Угольного института.

– Вот так случай! Ну надо же, – хмыкнул дед. – Старая школа, довоенная. Отец твой там учился. И я, только она тогда называлась «Первая Железнодорожная». А в войну там госпиталь был. Завтра пойдешь? Каникулы-то когда?

– Каникулы уже. Но там елки новогодние, я с ребятами познакомился, помогаю им. С девочкой еще, она Хозяйку Медной Горы играет.

– Кого-кого?

– Хозяйку Медной Горы.

– Нехорошо.

– Почему? – изумился Мур.

– А вдруг настоящая приревнует, – усмехнулся дед. – Красивая?

– Очень! Завтра еще две елки с утра, а потом, они говорят, на Егошиху пойдем, кататься. Что такое Егошиха?

– Речка в логу. Кататься? Так тебе чего, санки, что ль, надо?

– Я сам не знаю.

– Да в логу такие склоны! Трамплины видел?

– Нет, я как-то ничего еще толком не видел. Только вокзал, школу да автобусы.

– Я там на Егошихе тоже в детстве катался. На круге деревянном от бочки, – задумчиво сказал дед. Муру почему-то вдруг стало жалко его, старого, костлявого, вернее, жалко его старые, источенные жизнью кости, за которые слабо держалось усталое тело. – А то еще ледянки намораживали, снежку с водой намесишь, навозца конского еще подмешать – летят! – дед чего-то совсем загрустил. – Вот и жизнь так же пролетела. Мигом. Вроде вчера только в логу катался, а уж скоро семьдесят жажнет. Ох. Вспомнил что-то, как дедынька вон тут, под окошком сидел и те же слова говорил, мол, как вчера парнишкой был. Двенадцать ему было, как революция началась и все перевернулось. Пятого года он.

– Я тоже пятого года, – засмеялся Мур.

А дед почему-то вздрогнул и странно посмотрел за окно, а потом на него, и снова будто бы испытующе. Мур скорей спросил:

– Ты тут всегда жил? В этом доме? – он вспомнил вчерашний кабинет нотариуса и важные бумаги, по которым теперь стал владельцем этого странного дома. Даже двух. И конюшни. И дров. И гаража над логом. Дед подарил ему все это, чтоб не заморачиваться с завещанием. Интересно, почему он не хотел, чтоб эти хибарки по наследству получил отец? – А дому сколько лет?

– Да уж за двести. И построен на том месте, где всегда тут наша родова жила. И я так-то всю жизнь по горам да по пещерам, но возвращался всегда сюда.

– И родился прямо здесь?

– А родился я посередь Камы, на пароходе, не дотерпел до Перми, – усмехнулся дед. – Но пермяк, коренной пермяк. И ты – пермяк.

– Дед, а если снесут домики эти?

– Скоро-то не снесут. Тут большое строить нельзя, песчаники, все в лог сползет, а что строить – у них ума нету. Поживем еще. На мой век хватит.

– Да я б хотел, чтоб и на мой хватило. Тут... Странно так. История.

– Еще б. Мы тут, по преданию-то, с дотатищевских² еще времен, с первого Мураша. Деревня тут с давних времен. Починок, дак мы, дед говорил, с того починка еще строгановского, по летописям с тыща шестьсот сорок седьмого года.

---

² Василий Татищев, промышленник и экономист, основатель Перми и Екатеринбурга

А деда говорил, с пораньше, мол, пищальник Петро Кузьмин сын, тот в записях с двадцать третьего... Дак и до записей всяких тут жили. Не только русские, а и до того. Народы уральские.

У Мура выбило пол из-под ног и он рухнул во тьму веков. Семнадцатый век! «Пищальник»! Да еще и «с пораньше»! Жил-не тужил сам по себе, а теперь, оказывается, за спиной целый строй этих дедов-прадедов. С пищалями!

– А женился он на нерусской бабе, на местной, которая из тех, что тут испокон веков жили, по-научному: «автохтонное население». Кто она была, вогулка или пермячка, то неведомо. Но все равно, сам понимай, какой глубокий корень.

– Это пугает.

– Привыкнешь. «Починок на реке Каме и на речке Егошихе», – на память сказал дед. – А красивое место, пожалуй, было. Егошиха-то сейчас от дамбы до Камы в трубе подземной, поверх урман да дрянь всякая, а тогда-то по чистому песочку меж крутых бережков прозрачной водицей да в камский простор... Кататься-то куда пойдете? Лог большой.

– К трамплинам.

– И правильно. Раньше и тут катались, вон у церкви, да заросло все, ну а тут-то, у дамбы места совсем злые. Потом расскажу.

На житье дед определил его в комнатенку на втором этаже, в которой две стены занимали самодельные стеллажи с книгами по геологии, в третьей – два окошка на улицу, а

четвертой стеной был беленый бок печи, у которого стояла древняя металлическая кровать с шишечками на спинках. Такие он видел в фильмах про Советский Союз. Одеяд куча – как печка остынет, так понадобятся... И пахнет-то тут какой-то историей, а еще печкой, книжками пыльными... Не дом, а машина времени. И пространства тоже, – снаружи дом небольшой, зато внутри – лабиринт комнат и комнаток.

За окнами снег. Мама научила в детстве: что тебя ни тревожило бы вечером, ложись спать, укройся потеплее, смотри на окна, успокаивайся, ни о чем не думай и засыпай. Мур так и делал, правда, перед этим всегда еще смотрел в окно, наружу, где бы ни был. Вот и сейчас выключил свет, подошел, отвел сетчатую занавеску – фонаря за метелью не различить, только светлое пятно. Сугробы, темная стена старого депо напротив. А тут, в книжной комнатке, тихо, темно и уютно. Куда уютней, чем дома на Просвете, в душной квартире в старой многоэтажке, где сверху, снизу и со всех сторон вокруг полно незнакомого народу живет. А тут до соседей-то сколько? Кажется, они с дедом одни на всей улочке... Как же дед жил тут – один-одинешенек? И в этом снегопаде сплошном – кажется, будто и вообще никаких других домов на всем белом свете нет. Ни Разгуляя, ни Перми, ни Петербурга...

На границе света от фонаря мелькнуло что-то темное и мохнатое. Отступило. Потом появилось в стороне, ближе к стене депо. Собака? Ну да, мохнатая черная, только косола-

пая какая-то и длинная. Собака что-то повынюхивала под стеной, повела в сторону острой мордой – и побежала дальше по своим ночным делам. Здоровенная какая. И побежка у нее какая-то не собачья, сутулая... Ну, не россомаха же в городе! Зверюга целеустремленно скрылась в метели. Как ни бывало. Бродячая или просто так удрала?

В кровати окутало теплом от печки. Да, знали, как жить, прадеды эти... С пищалями.. Дед сказал, завтра печку топить научит... А еще завтра – Долька... Школа, ребята... Кататься на Егошиху...

С утра сияло синее небо над белыми снегами. Праздничные елки пролетели, искрясь зелеными блестками с Долькиной шубки, мгновенно, а еще чудесная, румяная от мороза Долька притащила мандаринов, и пахла теперь мандаринами. И губы у нее как мандариновые дольки... Куртка зеленая, шапка и варежки цвета мяты... Малахитница. Долька! Это влюбился он, что ли? Это, значит, так бывает? Ребята косились, но ему было все равно. Первая девушка!

Ватрушки для катания тоже были мандаринового цвета. Пару из них притащила маленькая, вроде шестиклассницы, девчонка в ярко-желтом, как у спасателей, лыжном комбезе, закупоренная в капюшон до глаз, и Долька ей милостиво кивнула. Мур не понял, кто это, да и какая разница? Перед ним уходил вниз заросший заиндевевшими кустами склон громадного лога, над которым высились ржавые трамплины,

похожие на останки стимпанковских верфей для вымерших летательных аппаратов. Скатывалась на дно лога белая, не слишком широкая полоса горки, по ней на ватрушках и ледянках слетали вопящие люди – и школьники, и народ постарше, вроде студентов, и родители с детьми. Это казалось опасным. Но Долька завертела ватрушку за стропу, засмеялась, засияла, вся такая ладненькая в малахитового цвета комбинезоне, в ярко-зеленой вязаной шапке, и Мур сам не заметил, как уже сидел в большой ватрушке, а Долька невыносимо милой тяжестью свалилась на него – и они полетели. Зима ожгла лицо, засвистело от скорости и счастья под ребрами, замелькали кусты и цветные человечки, взбирающиеся вверх по сторонам горки, и тут же их вынесло на ровное дно и кинуло в высокий накатанный бруствер-горку, скатило обратно, и Долька на ходу еще выпрыгнула, озираясь назад малахитовыми глазами:

– Скорей-скорей, вон уже едут!

Они скатились раз пятьдесят, а поднялись по истоптан-ным, перемолотым тропкам, кажется, раз сто. Мур взмок, начерпал снега в ботинки, джинсы внизу заледенели и царапали щиколотки – да ну и что! Народу на горке прибавилось, папаши норовили отталкивать чужих подростков, чтоб успела уместиться и сверзиться в лог своя малышня, кто-то орал, кто-то матерился, кто-то потерял ватрушку. Девчонка в желтом комбезе дергала Дольку за руку и ныла насчет «Пойдем домой!» Вскипяченный Колик Усольцев, одноклассник, су-

ровый и ушастый, от которого валил пар, сказал:

– А чо! Давайте вон под трамплины, там меньше! Малых нету!

Широкие белые склоны под самыми трамплинами до сих пор держали советскую выправку – и ужасали почти отвесностью. Но из-под столов трамплинов самоубийц и не было кататься, а пониже, с середины склона самого маленького трамплина, катались двое парней постарше, чем они.

– Это опасно, – сказал Мур.

– Хлюздю на палочке катают, – огрызнулся Колик. – Чо, москвич, ой-ой? Домой пойдешь?

Черт его знает, почему они решили, что Мур москвич. В общем, через несколько минут они уже всей компанией, по трое парней и девчонок, все с елки, и они с Долькой, плюс мелкая в желтом комбезе, скатились в лог и стали пробираться по узкой тропке к забору из ржавой рабицы. Под ногами вдруг заскрипел под снегом ледок – черная вода под стеклом!

– Это что? – Мур аж попятился. – Речка?

– Егошиха, – кивнула Долька и вдруг рассердилась: – Галька! А ты куда? Я ж тебе велела домой идти! С ума сошла, куда ты с нами лезешь! Мала еще!

Девчонка в желтом комбезе, волоча за собой ватрушку, упрямо шла прямо на нее. Долька уперла руки в боки:

– А ну иди домой, зараза!

Девчонка Галька не свернула, так и шла. Молча, вроде ле-

гонько, толкнула Дольку, но та поскользнулась и села в рыхлый снег берега, где сразу начинался подъем. Долька зашипела. Тут сверху как раз полетел парень на синей громадной ватрушке. Пока они, замерев, смотрели, как он там вырывается на раскатах вниз, Галька, прыгая по целине склона, обогнула парней и девчонок – красная ватрушка весело скакала за ней на поводке и разве что не тявкала – и помчалась вверх. Мур вынул Дольку из снега и подумал, что зачем все эти горки, если вот, держать за руки, а пальцы через мягкие варежки такие милые, и надо обнять ее и поцеловать, но нет, люди ведь кругом, и...

– Она ненормальная, – буркнула Долька, вырвалась и помчалась вверх по тропинке к дыре в рабице: – Галька, дура, стой!

Мур нашел в снегу стропу ватрушки и припустил за Долькой. Что ей эта желтопузая девчонка? Самому жутко смотреть под трамплин на эту белую, почти отвесную, как простыня на веревке, стену снега, а уж пустить туда Дольку или эту упрямую Гальку... Какой огромный лог. Доисторический. По сторонам его нормальный город, с трамваями и домами, а тут заросшее шерстью пространство, которое город словно не замечал.

На самый верх, под столы трамплинов, они, конечно, не полезли. Под самым маленьким трамплином, где катались большие парни, склон был более пологий, Галька ускакала туда, и они все взобрались за ней. Все равно высоко. Даже

Колик притих, только шмыгал.

Мур и сам оцепенел. Под синим промороженным небом – древний разлом лога, заросшего урманом. Куда скатывались полотенца трамплинов – еще простор, раскаты, а за забором все поросло, только пестрая от людей лента той горки, а наверху, над логом, громадные деревья чего-то вроде парка да торчат старые пятиэтажки и новостройки.

– Тут прыгают? Выглядят действующими, – оглянулся Мур на трамплины. – Нам не влетит?

– Клуб «Летающий лыжник», с советских времен еще. Там где-то есть охрана, конечно, – другой парень, Денис, махнул рукой куда-то вверх. – А что они нам сделают? Заорут – укатимся.

И тут вдруг Галька опять оттолкнула Дольку, плюхнулась на ватрушку и улетела вниз. Долька взвизгнула, рванула стропу ватрушки у Мура, но он не пустил – Долька обрушилась на него, он в ватрушку – и миг спустя они уже упали вдвоем, невыносимо вниз-вниз, отвесно почти, и сладкая жуть изнутри ударила в череп, отхлынула обратно и ноги отнялись. Руки – нет, руками Дольку держать, притискивать к себе. Ватрушка визжала об снег. Солнце слепило. Как же они неслись. И Долька. Вот. Только слой его одежды и слой – ее. Сильная она какая, крепкая, только мягко, где...

Галька внизу еще только выбиралась из красной ватрушки. Мур и Долька, вдвоем тяжелые, с разгона врезались в нее, сшибли в ватрушку обратно и снесли дальше по бело-

му раскату, их закрутило, девчонки завизжали всерьез – а раскат вдруг кончился. Мимо замелькали бетонные пасынки забора, и вдруг один выскочил как из-под земли прямо перед ними, и Мура со всей дури приложило об него плечом. И всех отбросило назад. Ватрушки тихонько прошуршали и остановились. Плечо онемело.

– Ой, – тихо сказала Долька. Встала, шатаясь, зачем-то сняла варежку. Розовые пальцы торчали, не шевелясь, над кромкой зеленого рукава, как червячки. Или как щупальца актинии. И с какой-то неправильной стороны. – Ой, мама. Больно как. Перелом, кажется.

Мур кое-как встал. Галька сидела в своей ватрушке и смотрела на него громадными белыми глазами. Настолько белыми, что будто вместо глаз дырочки навывлет и сквозь глазницы видно снег. За ржавой сеткой забора, под корнями вывернутой из грунта бугристой от старости березы, как в логове, лежала мохнатая черная собака с длинной мордой и тоже смотрела на Мура маленькими глазками, черными, но тоже будто прозрачными – и просвечивает сквозь них земля. Мур потрогал плечо – стало больно. Ужасно больно. Хорошо, что не башкой. Спросил:

– А сюда Скорая приедет?

Долька прижала руку к груди и стояла, покачиваясь. Сверху один за другим скатывались ребята, еще с середины склона начиная притормаживать ногами. Девчонки и Колик опасно сбегали вниз по тропинке пешком. Подбежал Денис:

– Сильно шабаркнулись?

Мур вытащил телефон:

– Надо Скорую... Денис, Долька руку сломала, надо вон пару веток сломать, примотаем шарфом пока...

Денис кивнул и побежал к дыре в сетке, нырнул в нее и по сугробам поскакал, проваливаясь, к черной березе. А собаки там уже не было, только дыра в смерзшейся глине, комочки мерзлые скатываются.

И тут, сперва чуть слышно, заскулила Галька. А потом заорала.

Глава 2. Подземные яблоки

1.

Из травматологии Мур ехал на трамвае – вахтер в больнице подсказал, как доехать до Разгуляя. От обезболивающих качало подводную муть в голове, но он хотя бы ничего не сломал, получил лишь сильный ушиб плеча. За замерзшим, в корке инея, окном плыл синий город, сиял новогодними огоньками, как космос звездами. Кто-то рассыпал мандарины, их подавили по полу, и в трамвае густо пахло новым годом. Школьными елками и Долькой. Муру было тошно и одиноко.

Дольку родители забрали, а Гальку с ее сложным переломом ноги, конечно, оставили после операции по репозиции отломков в больнице. Вроде как Мур не был виноват, даже родители девчонок в конце концов так сказали, когда все си-

дели в холле приемного покоя и рассказывали, как что было на этой проклятой горке, и ждали результатов Галькиного рентгена. Но факт, что девчонки пострадали, а он не смог их уберечь, жег внутри как уголь, обугливающий все вокруг. Потому что вышло, будто от удара о столб девчонки прикрыли его собой: Галька, которую несло спереди, и Долька, сидевшая у него на коленях. А так бы, может, ушибом не отделался бы.

Папаша Богодай, правда, поначалу как ворвался в приемный покой, хотел ему голову свернуть, орал, что через два дня соревнования, и такие деньги псу под хвост, коньки швейцарские, тренер два раза в день, и кто тебя откуда прислал, паршивец? Мур ничего не понял. Какие еще швейцарские коньки?

И тут в приемный покой влетел еще один экипаж скорой, с каталкой, на которой без движения лежал парнишка, в тающем снегу, обе ноги в желтых шинах и голова перемотана, и кто-то крикнул:

– Еще ватрушечники с Егошихи! Там следом двое легких, вывихи-ушибы!

Долька заревела, прижалась к отцу, неловко оттопыривая загипсованную руку:

– Пап, паап, мы сами виноваты, а больше всех дура эта упрямая, я ее просто догнать не успела! Она сама виновата!

А что дура упрямая-то? Ей тринадцать, внизу еще ловить надо было. И Мур корил себя, что не поймал.

Мимо провели «легких», двух маленьких пацанов с шинами на руках. Папаша Богодай отобрал у Дольки телефон, позвонил Колику, Денису и девчонкам, расспросил, как дело было – и стих, нахохлился, большой и помрачневший. Мать плакать перестала, прижимала только к себе пустой желтый комбез, шмыгала и все бормотала тоже что-то о соревнованиях, о том, что все, пиши пропало, билеты надо ехать сдавать и что зачем я ее отпустила на эту проклятую Егошиху.

А Долька, вздрагивая, сбивчиво рассказывала, что это Мур примотал им палки поверх комбинезонов, чтоб не было смещения, и они с Денисом тащили Гальку на сцепленных руках, как в учебнике ОБЖ, вверх по тропинке и еще по тысяче ступенек около большого трамплина на пост охраны, а Колик помогал Дольке и только все ныл, а потом наверху, когда охранник начал орать на них, вообще смылся. А ватрушки они там у трамплинов бросили, но их, наверно, ребята забрали. А Скорая уже приехала, когда они поднялись, это еще снизу Мур Скорую вызвал. И да, их всех троих в одной Скорой в травму повезли, но больница-то вот совсем близко...

Трамвай бесшумно скользил сквозь мороз. Вдруг ускорился, и Мур процарапал гляделку в инее: за белым полотном дороги, по которому неслись машины с ослепительными фарами, за бликующими отбойниками стояла застывшая чернота. Край мира. А где город-то? Где город? Куда это трамвай заехал?!

Гляделка затягивалась инеем, Мур снова ее процарапал – и увидел впереди берег черного ничто: фонари и светофоры, и знакомый хрустальный дворец, и расплющенный замок старого депо – вот он, Разгуляй. А черная чернота, стоящая вровень с освещенным полотном дамбы – это просто Егошихинский лог. Какой же он все-таки громадный. Разломил город пополам и лежит этой своей чернотой между обрывами. А что там в этой черноте? Кто?

Даже из трамвая выходить было страшно. А люди не обращали внимания, выскакивали на остановке, спешили сквозь мороз по своим делам, тащили елки, детей на санках и за руку, покупки – как будто никакого страшного лога и не было. Как будто это нормально – разламывать город пополам.

Мур перешел большую улицу и прибавил ходу, свернув в заваленные снегом переулки Разгуляя. Только не думать про черноту за освещенным фонарями краем лога. Поток транспорта на дамбе успокаивающе шумел. Луна в небе сияла, как свежий спил серебряного небесного дерева, и почему-то от этого серебра стыло ушибленное плечо. Когда тащили Гальку мимо трамплинов наверх, думал, рука отвалится... Как хорошо, что все это кончилось.

Снег под ногами громко скрипел, и казалось, кто-то догоняет – Мур даже оглянулся. Опять он пересек невидимую границу между настоящим и прошлым. Вечер остался на многолюдной улице, а тут, в улочках, казалось, давно ночь. Причем семнадцатого века, и плевать на фонари. Ох, нет.

Пусть будут, – Мур совсем замерз, представив темень зимы какого-нибудь тысяча шестисотого года, да хоть и тысяча семисотого: только красные огоньки лучинок в избах, вот и весь свет. Темень везде. Это сейчас город загнал ее в лог и глубже, в подземелья, в старые обвалившиеся рудники, в трубы, в которые, как в гробы, закопали речки.

А темнотища эта там затаилась и злится.

Шаги невидимки позади заскрипели снегом ближе и громче.

Во двор дедова дома Мур влетел бегом и запер за собой калитку. Хорошо, что никто не видел. Было стыдно, что сам себя довел до испуга. Темнота – это просто отсутствие света. Светилось ярко окно кухни, под навесом качалась рыжая лампочка, обливая светом дрова – цивилизация. Где он читал, что электричество отпугивает нечисть? Ерунда какая. Просто без электричества-то в семнадцатом веке или в глубине времен ночью черт его знает что людям во мраке мерещилось. Ничего ж толком не видно было.

На крыльце, делая для всех скрывающихся во мраке тварей вид, что не спешит и никого не боится, он обмел веником ботинки. Как же хорошо знать, что всякие силы тьмы – просто выдумка. Хотя вон как он струсил. Человек может поверить во все, во что захочет поверить. Все дело в подключаемых архивах, а там таится такое, о чем и сам не догадываешься. Прошрое-то вот оно, печкой пахнет, лезвием топора, вбитого в колоду, блестит. Нигде уже такого прошлого не

осталось, а тут – вот оно. Так поверишь, что в сарае где-то и пищаль приткнута, а в логоу черти прячутся.

– Ты что такой, внучок, как угорелый? – вышел дед в прихожую. – Стряслось что?

Мур глубоко вздохнул и рассказал. Дед выслушал, почесал в бороде. Он весь как-то ссутулился, помрачнел. Помог Муру стащить куртку с больного распухшего плеча, нашел штаны и теплую рубаху переодеться, даже намазал плечо обезболивающей мазью. На кухне подставил тарелку с котлетами, но у Мура глаза на еду не смотрели. Тогда дед налил ему чаю, сунул туда две ложки густого белого меда:

– Чтоб не простыл. Зря я тебя пустил, а так бы и девки целы были. Воссили, видать, пред тобой. А ты перед ними.

– Что-что делали?

– Ну, выкаблучивались.

– С чего бы им. Девки таких, как я, не любят, им красавцев двухметровых подавай, – Мур пожал плечами – и поморщился от боли.

– Девкам виднее, – усмехнулся дед. – Не прибедняйся. Парень как парень, не дурак, это главное. Вон я тоже ростом не вышел, а ничего, на жизнь не пожалуюсь. Был бы я двухметровым, так давно под землей бы остался, по пещерам-то да по старым шахтам, – дед хмуро посмотрел в темень за окошком: – А давно я в самом логоу-то не бывал, а уж у трамплинов и вспомнить, когда. Не тянет. Уж такое место Егошиха. Порченное.

– В смысле? Ты о том, что речку в трубу убрали?

– Так это уж когда! А то и завод тут стоял медеплавильный, и пруд заводской вон на дне лога ила метра в два слой оставил, черт его знает, что там в этом иле есть, сколько костей там, под дамбой-то теперь... А кладбище-то городское вон на нашей стороне с незапамятных времен? Сколько там слоев-то, как соты подземные. Вон, на воинском на памятниках почитай, что написано, погляди-ка, сколько солдатиков в одну могилу закопано, я аж двадцать на одной видал. Да и то ли могила это, то ли шахтная выработка старая, кто там разберет... А памятник жертвам репрессий на бугре видел? А тюрьма-то на горе? Батя говорил, стреляли да прямо в лог в ров и скидывали... Этапы вон в скверике на улице, по которой тебе в школу, формировали да и гнали потом по всему краю... Мать-то по всем плачет стоит, видел? Не по одним солдатам ведь. Памятник-то? Родина-Мать?

– Где?

– А у воинского-то. На кладбище.

– Я и кладбища не заметил... Думал, это парк... – Муру было совсем тошно. Мед в чае горчил. Не зря в этом Егошихинском логу стоит такая жуткая чернота.

– Да вон в край лога от нас за дамбой все кладбище. Речка внизу там, в трубе тоже давно, так Стиксом прозвали. А была Акунька.

– Мне в логу не по себе было, – признался Мур.

Как тут жить? Тут еще и Стикс есть, как на том све-

те. Гнусная судьба у речки. Была она светлая, веселая, как смешная девчонка Акунька, а ее в трубу, да еще таким именем обозвали кладбищенским. Он и дома, в Петербурге, жалел все взятые в трубу речки вроде Лиговки.

– А что не по себе-то? – взглянул дед.

И опять Мур почувствовал, что будто сдает ему непонятный экзамен. Ответил честно:

– Как будто там людям не место. Потому что он, ну, огромный такой, глубокий. Как будто землю разломали напополам, но не до конца.

– Не разломали, а сама разошлась. Земля подвижная – от плюмов в мантии до рельефа поверхности. И, как живая, она все помнит: к примеру, реки на Восточноевропейской платформе текут там же, где текли триста миллионов лет назад. Наш лог моложе, триста миллионов лет назад еще даже песчаники не образовывались, в котором он заложен. Но и он не просто так возник, зачем-то он живой Земле нужен.

– Живой Земле?

– Конечно, живой. Только жизнь её другая. Мы живем десятки лет, она – десятки миллиардов... Что мы ей – микробы. Нам ее жизнь не понять, так, догадываемся, накапливаем знания. Те, кто кроме нас тут обретаются, может, знают больше.

– Кто «обретаются»? – изумился Мур. – Кроме людей?

– Ну... Я не выжил из ума, внучок. Приходилось мне... Сталкиваться. С ними... Может быть, они теснее связаны с

Землей, может быть, служат ей... Силы природы, в общем. Может, даже так со времен, как тут море было, и застряли тут с нами.

– Точно, море, я читал. Палеоморе.

– Да и не одно за миллиарды-то лет, начиная с протерозоя. Да дольше всего после силура Уральское палеоморе тут тридцать миллионов лет существовало, полосой с юга на север, проливом.

Муру почему-то стало жутко жалко деда. Помочь бы ему хоть чем-нибудь. Поэтому спросил:

– Здесь же вокруг медистые песчаники, да? Горы разрушались в песок, реки уносили его в море, и там из него спрессовывался песчаник? А из размытых горных залежей медной руды образовались новые медные месторождения?

– Уральский медный пояс! – обрадовался дед. – А почему читал, внучек? В школе задавали?

– Да нет, я так. Интересно же, из чего земля. Еще я камни люблю, гальки всякие, даже песок. Вот как раз потому, что в них время – они валяются, везде полно, их ногами топчут, а им вон миллионы лет. Миллиарды. И в прошлом, а в будущем у них еще больше этих миллионов лет... Знаешь, дед, я хотел бы потрогать самый древний камень, какой у тебя есть. Археозойский какой-нибудь.

– «Архейский» правильно говорить. Надо тебе дать почитать что-то простое, начальное по исторической и общей геологии... Где бы только найти такое... Книжки тебе подберу.

А камешки... Ладно, есть у меня где-то образцы архейских гнейсов, самых древних – с Тараташского выступа, покажу, – и спросил вроде бы простодушно: – А самоцветы всякие, металлы – интересно?

– Они ведь тоже из древних времен. А что, тут в логу разве можно что-то найти?

– Что ближе к поверхности было, как люди появились, так за тысячи лет что могли – повыкопали да растащили, разбазарили. Роют и роют... А сейчас как умерло все. И лог – ну, он меж двух городов изначально был, Мотовилиха была отдельная от Перми, в прошлом веке только присоединили. Так что лог – край, граница. Порченное место, люди его только и знали, что портили. Запруды да шахты, заводы. Могилы.

– Зачем же ты тут живешь? Почему не уехал?

– Тебя ждал, – как будто всерьез ответил дед. – Мы тут живем всегда... То-то вот лог-то никак в культурное-то пространство не превратят, сколько уж проектов было. И террасный парк, и дендрарий, и чертов стул. А все никак. Она не хочет. Обозлилась на людей потому что.

– Кто обозлилась? Земля?

– Можно и так сказать. Не сама Земля, но... Силы природы. Ты вот что, внучок. В Кунгур завтра не поедем, куда тебя такого ушибленного тащить. В отцову квартиру ходим, запишу там тебя квартирантам, как арендодателя, будешь эти деньги у них забирать и на них жить. Мало ли.

– Зачем мне! Мама...

– Мама твоя молодец, вон какого вырастила. Хватит с нее, как считаешь? Я-то тебя прокормлю, да я не вечный. И вот что еще... Сколько там тебе до восемнадцати-то? А какая разница, с семнадцати уже можно в автошколе учиться. Надо тебе права получить, – он усмехнулся. – Покатаемся с тобой летом по Уралу.

2.

С высоты коренного уступа надпойменной террасы Камы, как назвал высокий берег дед, да еще и с шестнадцатого этажа, смотреть на мир было все равно что с самолета. Мур как вышел на лоджию, так и не шевелился. Дед и квартиранты бубнили в комнате, потом наладились пить чай – а он стоял и смотрел на белое, с черными щетками лесов на том берегу, бесконечное пространство, которое никак не помещалось во взгляд сразу, все целиком, а это ведь только половина окоема... Город внизу тоже чего-то бубнил, пыхтел, дымился, но он был где-то внизу и далеко, за логом, тоже бесконечный, до горизонта. С высоты казалось, что весь мир поделен белой полосой Камы на городскую человеческую половину, застроенную и задымленную, в крышах и улицах – и половину природы, свободную и бескрайнюю. Ерунда, конечно, за Камой – Европа, там народу миллионы и городов пропасть.

Вон мосты, длинные-длинные, черточками надо льдом, на вокзал, по мосту – и ежай домой, к прошлому, на Просвет, в душную квартиру, где им с братьями втроем в «детской» –

как деталькам игрушки в пластмассовом «желтке» шоколадного яйца. Мур представил забитую вещами квартиру, потом – школу, класс, учителей, коридоры; расписание, забитое допами и репетиторами под завязку, вечера в бесплатном коворкинге библиотеки, лишь бы домой только к ужину и спать, – и его замутило. Все те обстоятельства, отчим, да и все место в жизни отсюда казались тесной скорлупой. Теперь разбитой. Или растаявшей, как у шоколадных.

Нет, только не обратно. Ни за что. Там он никому не нужен, только маме, да ей тяжело все время суесться из благодарности отчиму, что тот растит Мура «как своего», все время как бы извиняться, что вот Мур тут и мешает всему, добрачный такой. Хватит.

А этот огромный город – да это ж как повезло! Это ж новый мир, в котором можно будет жить как мечтается! Он еще сам не знал, о чем мечтать, но главное – свобода! Что на свете дороже свободы?

И еще здесь – дед. Даже если чувство, что во всем этом новом, необозримом заснеженном просторе можно начать другую судьбу, всего лишь подростковая чушь, нет сомнений, что деду он нужен на самом деле. Как внук, да. А может, за чем-то еще – и неважно, зачем, Мур сделает все, только чтоб ему помочь.

Чаю ему арендаторы тоже налили, едва вышел с лоджии. Странно было смотреть после простора на обыкновенные маленькие вещи: чашки, печенье, конфетки. На елку в углу,

обвешанную мигающими гирляндами и переспелыми стеклянными шариками так, что перекосило. И вообще грустно на нее смотреть: она же умирает. Медленно, иголочка за иголочкой, все в ней пересыхает. Это же растянутая на пару недель агония дерева, и, когда ее выкинут к мусорным бакам, осыпавшуюся, в обрывках мишуры, жизнь еще долго будет мучиться в сердечнике ствола. Он отвел глаза. Квартиранты, пара лет под сорок, москвичи, работают в нефтяном холдинге, аренда еще на год, только что подписали новый договор уже с Муром. Спокойные, вежливые; дети в интернате в Хорватии, «им не подходит здешний климат», – другая раса. Вот только кажутся какими-то маленькими. А дед, хоть и невысокий, сухой – нет. Будто он сродни тем елкам, огромным, черным, живым, – за Камой, на просторе. Такой, казалось, не растеряется ни от каких невзгод, ни от каких ветров и хаоса. Кремень.

– Ну как? – с показной нейтральностью спросил дед в лифте.

– Я люблю высоту, – так же нейтрально ответил Мур. – И оттуда вид... Просто страна бесконечности. И Кама. А дом что? Вертикальная деревня.

– Только никто никого не знает, – кивнул дед. – А вид – да-а, пространство странствий. И мытарств.

– Мытарств?

– Ссылный край. Суровый, жестокий. Смертельный. Людей не жалеет ни в каком смысле. Тут столько народов сме-

нилось, столько всего происходило, о чем тебе в школе никогда не расскажут, – остро взглянул дед. – Слушай-ка, внучок, пока еще не поздно, мож, купим тебе билет – и будешь сюда только туристом приезжать?

– Дед, ну ты совсем. Знаешь, мне кажется, я приехал во все не за бумажками... И не в ссылку. А меня как притянуло. Будто я тут жизнь себе спасаю от ерунды. Но ты прав, это такая страна... Немного страшная. Какая-то очень настоящая. Я тоже хочу стать настоящим. И в автошколу пойду, и хоть на бокс, и научусь всему – лишь бы меня тут не перемололо.

– Идеалист, – усмехнулся дед, но Мур видел, что он доволен. – Научу, чему успею, – и вдруг спохватился: – Мурашка, ох, а я елку у них увидел, так вспомнил, что завтра новый год. Пойдем с тобой за елкой? Как-никак, пацан ты еще, школьник, новый год – детский праздник... Я видел, продают на углу у новых домов...

– Деда, давай без елки. Жалко, живые ж они. Понимаю, уже посрубали их – но пусть у нас не будет.

Дед озадачился:

– А как тогда?

Елку Мур сложил каменную, из плиток разных геологических образцов, не очень большую. На табуретке, которой было лет двести, наверно, и она тоже выглядела как каменная. Дед по дороге вроде как загрустил, что они без елки, как без детского праздника, а может, ему, одинокому, хотелось именно для внучка елку – и Мур прибег к креативу. И

возвел на табуретке в углу большой комнаты каменную конструкцию. Елка получилась доисторической и жуткой. Тогда на уголки плит он прилепил огарки свечек, пристроил, как игрушки, разноцветные камешки, все с приклеенными номерками, и посверкивающие образцы руды.

– Обо, – охнул вошедший дед. – Я такие в Монголии видел. На перевалах, на горных дорогах. На Урале на перевалах манси тоже похожие складывали. Как тебе в голову пришло?

Он будто расстроился. Мур осторожно спросил:

– Что такое «обо»?

– Да духи в таких живут. Монголы барана жертвенного свяжут и живьем в яму, а потом сверху вот пирамидку, а манси – белых лошадей или оленей. Чем дольше орет из-под земли, тем лучше. Тогда придет дух, покровитель места.

– ...Разобрать?

– Ну, у нас в подвале олень живьем не закопан, – махнул дед. – А духов места тут и так полным-полно, – он повернулся к печке и сказал туда: – Суседушко, не сердчай. Играет парнишка.

– Ты это с кем? – изумился Мур.

– А с домовым. Самсай-ойка³. Он уж сколько тут живет – и не сосчитать. Дом бережет да меня, теперь вот и тебя. Дом старый, хлопот много.

– Дедо, ты всерьез?

– Проверенное дело, – усмехнулся дед. – Бывает, так при-

---

³ Домовой (манси)

жмет, что только на них и надежда. Да ты не бойся, ты свой, он чувствует. Защищать будет. Помогает, да. Вон уж сколько лет домик стоит, а ни одного вора.

– Дед, ты ж профессор, ты...

– Одно другому не мешает, – открыто посмотрел дед, развел руками: – Они помогают, да, когда всерьез-то прижмет, когда надеяться не на что и не на кого. У них ведь как? Без нас им жизни нет. Нам помогут – так и себя спасут. Оне... Ну, если уж не добрей нас-то, дак честнее. Сколько раз уж так-то спасали. Все выжили, мужики-то, а какая свистопляска-то вокруг шла. То бунты, то войны, то революции, то аресты да этапы. Миром да толком, считай, и не жили. Одни напасти да кровища. А мы все тут. И они тут уж, с нами.

– Дед, ты шаман, что ли?

– Да какой из меня шаман, – усмехнулся дед. – Так, вежливеец⁴. Больше знаю, чем могу. Да и то по камням да по металлу больше знаю, чем по людям. Камни слышу, да тут непонятно, то ли опыт, то ли тайная сила. Я так думаю, что все ж опыт. Как плечо-то?

Плечо ныло, но Мур относился к боли, как к белому шуму:

– Все нормально.

– А пойдем, Петька. Покажу тебе дом. Ты вроде не болтун, да, внучок?

---

⁴ Колдун, которого для почета приглашали на праздники и свадьбы, чтобы охранить хозяев и гостей от порчи.

Дед впервые назвал Мура по имени. Терпеть Мур это имя не мог. Его даже мама так не звала, а все «Мурашкой». Сейчас оказалось, что дед, отец и сам Мур были полными тезками – все нотариусы удивлялись. Только даты рождения разные, а так бы – один на все поколения Мураш... Петька – это Петр. Петр – это значит «камень». Самое геологическое имя.

Мур первый этаж и не рассмотрел еще толком, все скорей пробежал наверх к деду по скрипучей лестнице с истертыми до толщины фанеры ступеньками. На первом этаже, дед объяснил еще в первый вечер, зимой он теперь не живет, слишком трудно и дорого ремонтировать печку. Под шагами деда грустно скрипели ступеньки:

– А раньше тепло было, теплее, чем наверху: кирпичные стены толстые, окна маленькие, как раз на долгие зимы строили. А печь старая, свиязевская, дымоходы как лабиринт, и мастера такого не найти уже.

– Свиязевская?

– Инженер такой был в девятнадцатом веке. А печка... Думаю вот, сломать или не трогать.

– Зачем ломать? – смотреть в сумерках на побелку выстывшей навсегда печки было отчего-то жутко.

– Батя говорил, вроде есть в ней что-то. Дед ему, мне правед, нашептал. Печка-то, чтоб дом берегла, должна, мол, в себе хранить... Что-то. Да я только так и не понял, что это за «что-то». Батю не расспросил толком, ерунда все, считал, а теперь вот под старость то ли поглупел, то ли умудрел, не

знаю. А интересно. Или «что-то» там, или попросту клад. Дело обычное. Сам мужика-печника встречал, который в старых домах печки перекладывал и, бывало дело, по малости там находил, пяточки там царские или что получше. А потом и вовсе стал по брошенным деревьям ездить, печки ломать. Джип, говорит, купил.

– Мне жалко печку ломать, – Муру казалось, что и весь дом, этот нижний кирпичный этаж, за двести лет спекшийся в монолит, с мертвой печкой, с глубокими окошками, тонет в земле, медленно-медленно. Уж не собирается ли дом прихватить его с собой на дно? В качестве «чего-то»?

Так, нечего трепать себе нервы. Вон в Европе кирпичные домики по сколько сотен лет стоят. Там историю берегут. Он в Выборге сам такой видел. И этот бы простоял. Вместе с печкой. Он же крепкий. Как бы его сохранить?

Снаружи уже вечерело, предметы еле угадывались. Комнаты пахли холодными стенами, известкой, пылью, золой от печки – и все были заставлены стеллажами с образцами камней и руд, ящиками, коробками, пыльными банками с песком. Дед щелкнул черным выключателем, и свет низко спускавшейся лампы в зеленом жестяном абажуре выхватил из сумерек стол с инструментами, с камнями. В углах комнаты стало только темнее. Муру не хотелось даже смотреть в углы. Вдруг там правда – эти. «Они». Силы природы. Поэтому он подошел под желтый свет к столу и потрогал причудливый кусок породы, сплавленный, казалось, из угловатых больших

и мелких обломков. Вспомнил слово:

– Брекчия.

– А это? – дед ткнул пальцем в другую глыбку.

Мур тоже потрогал:

– Если обломочный материал окатанный, значит, конгломерат. Галька на кварцит похожа.

– А цемент?

– Дед, да откуда ж я знаю. Я только камешки в детстве собирал, да и то так, простые. Подножные.

– Сбирал, значит, – дед довольно улыбнулся. – Я вот тоже собирал. С детства. Нравится?

– Я не знаю. Их тут столько, что вроде как не в человеческих силах разобраться, – Мур взял в ладони шар размером с яблоко, выточенный из конгломерата охряного цвета с бурыми, черными, белыми пятнами разных пород. Будто держишь маленький тяжелый юпитер. Таких пятнистых планеток еще штук пять поблескивало на столе, и куда больше лежало рядом на полу в ящике со стружками – в самом деле как подземные яблоки. И что, можно? Вот просто взять себе эти яблоки – геологию эту дедову? Унаследовать и коллекцию, и знания, и заниматься всю жизнь не какой-то офисной ерундой, а вот таким делом серьезным? Камни. Сколько их, всяких разных! – Но я бы стал разбираться. Они мне все нравятся. Простые даже больше, чем дорогие. Самоцветов я что-то стесняюсь. Граниты да габбро – вроде как свои, простые ребята, надежные. Основательные.

Дед уставился на шар в его ладонях:

– А пульс камня слышишь?

– Дед, ну что ты в самом деле. Что еще за Сказы Мураша? То Суседушка, то пульс камня. Ты мне еще про Хозяйку Медной горы расскажи, – он невольно вспомнил Дольку. Надо позвонить, спросить, как там и она, и сестренка. – Или про Белого спелеолога.

– И расскажу, как время придет. По пещерам-то пошарь-ся с мое, так не то что в Белого, а и в горных хозяев поверишь. Я-то что, возраст, а ты парень молодой, девки горные как раз к таким и льнут, таких и уводят, – дед задумчиво взял со стола какой-то камешек с блестящей прожилкой. – В пещере-то бывал когда?

– В Саблино под Петербургом. С классом. Но это так, песок добывали, чтоб хрусталь варить. Какая-то ненастоящая пещера.

– А у нас тут настоящих почти восемьсот только открытых. Есть ледяные, есть с реликтовым льдом, есть затопленные. Еще сколько-то, которые местные в тайне держат. Или те, о которых забыли давно. Народу ведь тут погибло сколько, кто тайные места знал. Ну, и таких далеких мест, куда только чудом добраться, хватает. Там дальше к Кунгуру – карст, пустоты, пещеры. Так вот идешь меж елок да кедров, ступишь куда – и провалишься. Глядишь, вот тебе и новая пещера. Вон Семь Пятниц⁵ в восемнадцатом году так и от-

---

⁵ пещера Семь Пятниц найдена летом 2018 года на Урале, на правом берегу

крыли.

– И ты так – ступал и хрусть?

– Было дело. А камни... Что ты думаешь, Мурашка: они живые все. Только жизнь их другая. Мы для них – что для нас пылинки... Да, архейские-то гнейсы... Сейчас найду...

Дед подошел к одному ящику, к другому, наконец вынул зелено-серый пестроватый кусок породы, подал Муру:

– Вот. Гиперстеновый плагногнейс. Прошу любить. Он зародился три с половиной миллиарда лет назад. Всего через полмиллиарда после формирования современной литосферы, под высокими давлениями и температурами, среди прочих гнейсов, сланцев и амфиболитов. Другие породы с тех пор размалывало до песка, пыли и глинистых частиц, едва не до атомов, и снова складывало в камень, и так не раз. Ну как наши пермские песчаники, например. А этот остался неизменным с того самого времени, все миллиарды лет... Чего молчишь?

– Страшно.

– На-ко вот, – дед порылся в ящике и подал небольшой кусочек такого же камня. – Глыбу-то эту тебе куда, а этот можно в кармане носить.

– Спасибо, – Мур зажал камешек в кулаке. Все равно осознать эти миллиарды лет мозг не мог.

Дед усмехнулся:

– Привыкнешь. Ну, осмотрелся? Пойдем дальше.

В чулане, дверь в который открывалась в дальней комнате, дед открыл люк в полу, щелкнул таким же черным старинным выключателем – и желтый свет зажегся под полом, осветил добротную лестницу и красные кирпичные стены.

– Это голбец, – сказал дед, развернулся и стал осторожно спускаться. – Ну, подпол. Древняя система хранения.

Мур, отгоняя воспоминания обо всех просмотренных ужастиках про подвалы, спустился за ним, как в холодную воду. Тут и правда было куда холоднее, даже пахло морозом. Вдоль стен – полки с ящиками, полными консервных банок, бачки из нержавеющей стали с крупами, какие-то канистры, картонные коробки с упаковками ИРП, причем с маркировкой этого года. Куда деду столько припасов?

– Экспедиционная привычка.

– Да ты так можешь пару лет в магазин не ходить.

– Пусть будет, – усмехнулся дед. – Мало ли. История державы, знаешь, предмет доходчивый. Ну смотри, внук, – дед открыл короб из нержавеющей стали, полный пакетов с гречкой, сунул вдоль стенки руку и достал большой кованый ключ: – Там магнит для ключа, еще батя приладил. А теперь двинем... Давай на себя.

И они вместе отодвинули короб – под ним те же бетонные плиты, что и по всему голбцу. Дед нажал на третий кирпич снизу, в стене что-то хрустнуло, и одна из бетонных плит приподнялась настолько, чтоб подсунуть пальцы. Еще один

люк. Дед сунул пальцы в щель – оттуда тянуло теплом – но не приподнял плиту, а почти без усилия отжал в сторону – бетонный квадрат мягко уехал под стену.

– Это тоже батя мудрил. Можно задвинуть за собой, так сверху ни следа, хоть пожар пересидишь, хоть бандитов.

– Приходилось?

– Беглых прятали при Сталине, да. Ну что, идем?

И он стал спускаться в темноту. Кажется, деда радовала эта экскурсия. И что внук обалдел от тайных конструкций – тоже. А Мур в самом деле обалдел. Какие ж сокровища тут спрятаны? А что-то долго спускаться...

Дед где-то щелкнул выключателем. Свет.

Мур постоял и сел на ступеньку. Это был подвал от дворца, а не от маленького домика. Просторный подземный зал, куда больше по площади, чем дом, глубокий, с кирпичными, идеально геометрическими сводами, с желтыми, в обрешетке, лампами по стенам. У стены – деревянная тележка на резиновых колесах, груженная коробками, у лестницы – новое, еще запечатанное ведро финской краски. Больше ничего. Чистота и запах кирпичей. Пол – ровная цементная стяжка.

– А тепло почему?

– Заметил, молодец. Это теплый пол я сам в позатом году положил. А то аж до ревматизма простужался.

В стене напротив – деревянная, в железной оковке дверь. Вот к ней-то и понадобился ключ. Мур шел вслед за дедом на

мягких от волнения ногах. Как будто попал в фильм. Как деду и его бате, и тем, кто раньше тут жил, удавалось сохранять это все в тайне от властей? Суседушко помогал глаза отводить? Глянул вокруг – показалось, за колесо тележки спрятался кто-то маленький, похожий на веник. Ну нет, блазнит.

Дед отпер дверь и опять щелкнул выключателем. Там осветились еще краснокирпичные пространства со сводами. Этот зал был поменьше, но в стене напротив Мур с изумлением увидел окованные ворота с громадными дубовыми балками запоров. В эти ворота точно могла проехать ломовая телега. Или джип.

Дед, будто извиняясь, сказал:

– Ворота недействующие. Лет полтора назад грунт снаружи подмыло грунтовыми водами, дорога к воротам вместе со всем склоном и обвалилась. А прадеды подумали – и постепенно наглухо зарыли. У Мурашей тогда такие амбары на пристани были – что ты! Незачем стало и в гору товар таскать. Лучше укромное место сделать, чтоб как подвалы в банке. Камня навозили, песка, стенку подпорную снаружи ворот поставили, потом земли телегами. Ливневку подземную, правда, сначала устроили по всей науке.

– Но зачем? Чтобы что тут хранить так укромно?

– А что есть, то и хранить. А то ты историю страны не знаешь. То бунты, то бандиты. Одна Лбовщина чем вон обернулась...

– Лбовщина?

– Да «Лесные братья»-то, в первую революцию, в Пятом году. Боевики-партизаны. И это еще только начало было. Потом-то, то Колчак, то коммунисты, то расстрелы, то грабеж. Потом Сталин, аресты-этапы, статьи расстрельные за все, потом война. Дальше мирное время, светлое – только, может, потому, что я молодой был. В молодости все светлое. Учился, дальше все экспедиции... А потом развал Союза, девяностые. Врагу не пожелаешь. А что еще впереди – кто знает? Не то что б мы тут богатства какие скрывали, наши руки – наше богатство, да только к рукам-то и инструмент нужен, и припас, и, главное, возможность работать спокойно и вольно. Ты вот тоже... Как меня не станет, мастерские наши не оказывай. Разорить-то любое дело недолго, а оно вон веками ладилось. Понял ли?

– А если дом под снос пустят?

– А в Кунгуре у меня в доме тоже подклет каменный. И подвалы. Не такие богатые, конечно, но дело вместят. «Под снос»... По уму-то не под снос бы, а музей горно-рудного дела... Да доверия нет. Так что который век уж таимся. Никто и не помнит, что тут вообще в бугре этом разгуляевском есть. Некому помнить. Думают, чего, шахты старые, а тут купцы такие подвалы возводили! Кама-то рядом, с парохода или с баржи погрузил и в горку, прямо в подвал на телеге заезжай, храни любой товар. Короткая память у народа... Да еще эту память все, кому надо и не надо, и то и дело обрубают.

– Зато нам повезло.

– Да я всю жизнь не понимаю, везение ли это. Что с этими хоромами? Ну да, памятник зодчества, да как открыть, если страна толком да ладом не живет. Поживем – увидим, конечно. Спешить нам некуда. А так – не бойся, никто не знает, – дед ткнул пальцем в потолок: – Там еще лет пять назад огород соседский поверху был, а дальше уж гаражи да лог... Ну что, сохранять будешь? Или на кирпичи продашь? Смотри, царский кирпич, говорят, дорогой поштучно-то.

– Нет уж, так, домом-то, подороже... Дед, а почему ты мне это все хочешь отдать, а не отцу моему? – спросил Мур и задохнулся. А вдруг у деда история какая с сыном, которой он делится не хочет?

– Так он где? То-то и оно. А ты – вот он.

– А он не отберет потом у меня?

– Жалко? – усмехнулся дед.

– Жалко, – честно сказал Мур. – Тут вон целый дворец подземный. Хорошо бы музей камней тут устроить, вот что. Горно-рудного дела, как ты говоришь. Наверно. Если наверху все будет хорошо.

Дед усмехнулся:

– Придумаешь. Отец... Не отберет. Не к рукам ему. Пусть уж... Живет как знает. А ты вот примечай, видишь, вон еще ход... Пойдем-ка.

В помещении рядом в стороны расходилось два тоннеля высотой чуть больше полутора метров. Дед кивнул на тот, что был перекрыт решеткой:

– Сюда вот ход к ливневке, зимой-то сухо, но летом в дожди, бывает, течет; слышно, как журчит. Там плита каменная на роликах ход вниз, к канавке, прикрывает, я там с пацанов не был, узко там совсем, да и опасно. Мало ли что размыло. Не лазь, склизко там. А так вода раньше-то, сто лет назад, в пруд уходила, а теперь точно и не знаю, куда, может, в старые штольни, может, в коллектор к Егошихе. Все одно в Каму. Так-то вся гора сыровата, в грунтовых водах. Вот и придумали водоотведение такое.

– А второй ход?

– Сейчас увидишь. За тем и пришли.

Поздним вечером Мур сидел у себя на кровати и все никак не мог заставить себя лечь. Стоило закрыть глаза, и мозг начинал показывать бесконечные бурые кирпичи, муфельные печи⁶, вальцы, фрезерные и гравировальные станки, тигли, анку с пунзелями⁷, тисочки и очень много всевозможных инструментов, названия которых сразу невозможно запомнить. Но у Мура все еще ныли руки от желания подержать их, пустить в дело все эти флацанки⁸, чертилки и штихели.⁹ Дед сказал, что научит.

---

⁶ Высокотемпературные печи для обработки и плавки металлов (и не только)

⁷ Анка – инструмент для создания выпуклых форм. В полушария анки кладется деталь, сверху ставится пунзель, по пунзелю ударяют молотком. Так получают выпуклые формы.

⁸ это плоскогубцы, круглогубцы, клювики, и другие всякие -губцы.

⁹ режущий ручной инструмент. Применяется для гравировки, закрепки, выре-

От беленого бока печки шло тепло. А эта вот печь, которую дед топит из кухни, она с «чем-то»? Или с кладом? Теперь всего можно ожидать.

Чтоб успокоиться, он встал и шагнул к окну. Снег. Он прислонился лбом к окну. И тут же с конца улицы, из черноты лога по снегу двинулся к нему силуэт – будто взгляд был для черноты ошутим и она отозвалась этим клочком мрака. Будто взгляд притягивал мрак, как магнит. Мур отшатнулся от окна, не отрывая глаз от черной тени. Закричать? Нет, там дед только уснул, все кашлял, не надо его тревожить...

И тут он понял, что на улице внизу просто собака. Та, черная, косолапая. Но сейчас она не проковыляла мимо по своим делам, а остановилась под окном и подняла к Муру узкую длинную, какую-то вовсе не собачью морду; глазки ее блестели как черные пуговики, едва различимо. Чего ей? Какая ж она жуткая. И смотрит насквозь. Да тьфу. Это просто бродячая собака.

3.

– Если у человека есть друзья – значит, человеку можно доверять, – сказал дед, когда вскорости после боя курантов Муру позвонил Денис и позвал погулять в центр. – Иди, конечно, новый город, праздник, семнадцать лет! Гуляй! На денежек с собой на всякий случай.

И ушел в кабинет. Дед будто совсем не беспокоился, что с

Муром что-то может стрястись. То ли в судьбу верил, то ли в «суседку», то ли в самого Мура. Мур бы предпочел, чтоб дед верил в его, Мура, здравый смысл.

Все встретились около часа ночи на большой улице, и Денис, конечно, пришел не один. Был и Колик, и другие ребята и девчонки из класса, которых он помнил по школьным елкам, и незнакомые. Шумные, смешные. Только Дольки не хватало. Пока подходил, видел, как они засовывают мятные конфеты в бутылку с газировкой и, хохоча, отпрыгивают, когда бутылку начинает бурно тошнить бурой пеной. Когда он подошел, бутылка еще отплевывалась, дергаясь в сугробе.

– А ты что, в Разгуляе живешь? – прищурил глаза Колик. – Что, вон в хибарках?

Видел бы он подвалы под этой хибаркой. Этим мальчишкам и девчонкам из многоэтажек и не снился такой простор и красота. Но ведь он и сам недавно был таким пацаном из многоэтажного улья. Поэтому ответил добродушно:

– Ага, у деда. Сегодня вот научился печку топить.

– Ну, я понимаю, на каникулы, – протянула одноклассница, которая играла невесту Данилушки в елке. – Экзотика, все такое. Но вот ты насовсем что ли тут останешься? Печки топить?

– Дед одинокий, – подумав, сказал правду Мур.

– Ухаживать надо? – брезгливо дернула носиком Катя.

– Нет! Не такой уж он старый. В университете профессор, кстати. Просто одинокий. Ну что, куда пойдём?

В окнах истерично мигали гирлянды. Народ пулял петардами во все стороны, втыкал, увертываясь от редких машин, ракеты меж трамвайных рельс, и те со свистом улетали в небо, едва не чиркая по карнизам и балконам, и рвались над крышами. В каком-то сквере Мур заметил огромные светящиеся канделябры, хотел посмотреть – но ребята тащили его дальше. Вопли «с-но-вым-го-дом!!!», тосты, обнимашки, безумные, шмыгающие везде дети – чем дальше, тем гуще становилась толпа. Вдруг перед Муром вырос огромный бронзовый медведь с сияющим, натертым миллионами ладоней носом. Вот кто нарисован на автобусах-то! Люди фоткались с ним, подсаживали друг друга, чтоб сфотографироваться на спине, и терли, терли нос. Медведь, казалось, едва сдерживался, чтоб не отмахнуть их лапой. Может, потому, что справа, вытянувшись на цыпочках и вцепившись vareжками ему в ухо, маленькая девчонка что-то все шептала и шептала в это ухо, время от времени отстраняясь и испытующе заглядывала медведю в глаза, мол, ты понял? Медведь терпел, слушал.

Мимо, размахивая орущим «у леса на опушке» телефоном, чуть не сбив с ног Колика, пробежал низенький мужичок с не совсем человеческим лицом. Народ пер дальше, в какие-то светящиеся лиловым, соединенные в спираль арки, как в портал между мирами. И вдруг, когда они выбежали из этих арок и обогнули елку, сложенную из светящихся шаров, перед ними открылся громадный синий простор, весь

в светящихся елках, ледяных скульптурах, громадных фигурах из гирлянд – будто рассыпали груды самоцветов. От народа было там черно. Столько разноцветного сияния – а зимнему небу с тусклой луной все равно, лежит сверху, как черное одеяло. Впереди громадная елка словно только что вылезла из недр и вершиной туго натянула светящуюся мембрану – как только она лопнет, в оболочке привычного мира разверзнется дырища и что-то стрясется... Тьфу. Это просто множество золотистых гирлянд, натянутых от макушки елки. Они все одинаково и красиво, как половинки параболы, провисли, и потому кажется, что елка вот-вот проткнет растянувшуюся пленку. Или границу реальности. А за елкой уходил вдаль новогодний простор, усыпанный светящимися самоцветами.

Как же жалко, что нет Дольки. Но вот до конца каникул надо будет привести ее сюда. И потихоньку, не в толпе, оберегая, чтоб не толкнули, погулять тут в ледяных лабиринтах, рассмотреть самоцветных зверей, держа Дольку за тонкие пальцы в варежке... Ребята помчались кататься к ледяной горке. Мур разок съехал с ними, больно треснулся коленом об облитый льдом деревянный бортик, повалился в визжащей куче-мале на длинном раскате и скорей убрался в сторонку – уж очень сильно кто-то боднул головой в большое плечо. Он отошел подальше, за большого, ослепительно сияющего зеленого оленя, потом еще подальше, чтоб не мешать людям с оленем фоткаться – а лица у них тоже зеленые,

жуть – и достал телефон. Уже пять минут третьего, значит, у мамы в Лапландии тоже наступил новый год.

– С новым годом, сыночек! – после первого гудка отозвалась мама. – Терве¹⁰!

Стало почему-то одиноко. Лишь бы она была счастлива.

После всех поздравлений (не особенно-то им без него грустно), после всех указаний, советов, закончив звонок – Мур совсем продрог от одиночества. Да, он теперь отделен от них, от мамы, братьев, отчима. Он отдельный. Он другой. Он как дед, невысокий, темноглазый и не больно-то жизне-радостный. Ах да, никакой он не одинокий, у него же есть дед! Да к Муру сроду никто так тепло не относился!

И Долька есть. Долька счастья. Ну, и впереди такая странная, жутко интересная дорога взросления, которую он раньше и вообразить-то не смог бы. Горы, камни. Недра. Всякие тайны...

Он вдруг заметил черную громадную пятерню над праздничной толпой – и чуть не отшатнулся. Это же памятник! Подошел ближе, хотя под коленками немело от непонятного испуга. Огромные, черные, худые советские люди: рабочий, женщина и солдат. Вот они тоже совсем отдельные ото всех, высятся среди фальшивых салютов над пеной новогоднего веселья. Рабочий поднял руку, будто дает кому-то знак. Мур даже посмотрел в ту же сторону, куда рабочий – просто небо, просто город. Там дальше – вокзал. Почему же жутко?

---

¹⁰ Здравствуй (фин.)

Потому что памятник такой нечеловечески огромный? Новогодние человечки внизу вообще глаз на этих «Тружеников фронта и тыла» не поднимают, будто этого памятника в их мире нет, не прогрузился. Мур вздохнул. Это все история. И такая всегда непонятная, будто читаешь книгу с середины и, не успеешь дочитать до конца страницы, как твое время истечет. Мур передернул плечами, отвернулся и зашагал домой. Подумаешь, ночь смены календарей. Что из-за этого философию разводить?

На миг ему показалось, что метрах в двадцати ледяная зеленая девка с ящерицами на подоле только что повернула голову и уставилась на него. Это из-за мороза, что ли? А вон еще одна, подальше, тоже зеленая – смотрит... Мерещится. Ребят в толпе искать ему не хотелось. Да и замерз ужасно: почти минус двадцать, и он написал Денису, что пошел домой. Шел и шел. Мимо большого дома, мимо медведя с натертым носом, мимо масок и канделябров в сквере у театра, мимо витрин магазинов, в которых отражался быстрый, слегка ссутулившийся от холода парень. Невысокий, худой. Да, это я, – думал Мур. – Таким я кажусь людям. Таким же я кажусь Дольке? Я неинтересный. Или она видит во мне кого-то получше, чем я на самом деле? Ну, тогда придется стать кем-то получше... Холодно-то как!

Дед не спал, топил печку. Они напились чаю с медом, с пирогами, и с мороза было так здорово сидеть у печки, молча вдвоем смотреть на огонь и пить чай из старой кружки

с нарисованными черными елками. Мур наконец согрелся. Когда начал клевать носом, дед добродушно похлопал его по спине и Мур пошел спать.

По привычке подошел к окну – снега нет, пустота. Кано-нада фейерверков доносится глухо, как из другого века. Деревья в инее. Стена депо напротив тоже заиндевела от стужи,. Смешно: депо есть, а рельсового пути из него нет... Он посмотрел в сторону лога. Чернота в той стороне была слишком неподвижной, слишком черной. Он забоялся того, что может оттуда вынести – даже если ветром выдует рваный пакет, ему хватит. Или собака, как в тот раз. Лучше даже не смотреть в ту сторону... Все, спать... И уже зарывшись под толстые, прогретые у печки одеяла, уже совсем засыпая, он почти нечаянно сообразил: а вот все эти подземельные де-довы запоры, засовы, замки, решетка, плита на роликах, где «ливневка» – может, это вовсе не для того, чтоб никто не пробрался вниз? Кому это надо, кроме них с дедом? Может, эти все запертые преграды как раз для того, чтоб никто не выбрался снизу?

Каждое утро он, просыпаясь, первым делом лез на Доль-кину страничку посмотреть, чего там вау, и какое, и чего пи-шет. Чувства, да. Фотки: коленки, плечики, дольки манда-риновые, новогодняя ерунда. Лангет на руке она не фоткала, говорила, что уже почти не болит, вполне терпимо. Пару раз даже спускалась в кофейню на первом этаже ее дома, акку-

ратненькая вся, ласковая, в изумрудного цвета пальтишке, накинутом на плечи; пальчики трогательные торчат из лангета, который она раскрасила «под малахит». Непохоже, но – зеленое, она радуется – пусть. Она даже пирожное выбирала всегда одно и то же, корзиночку с зеленой сахарной посыпкой. Пили кофе, целовались в подъезде, потом он спешил к деду.

Мур бы вообще не поднимался на поверхность – но дед выделил ему один из своих компов, и Мур сидел, смотрел лекции по геологии на ускоренной перемотке, замедляясь на сложном, листал справочники или шел с вопросами к деду; часами перебирал камни, разбираясь, чем отличаются гравелиты¹¹ от псефитов¹², а лампроиты от кимберлитов¹³, а дед учил их распознавать. Мур все ждал, когда ж схлынет интерес к инструментам и к камням, как, например, быстро пропал к картингу или к компьютерным бродилкам, но камни его только больше и больше притягивали. Еще дед записал его в автошколу, и после праздников надо будет туда ходить. И в клуб спелеологов в институт карстоведения, на курсы новичков. И еще по вечерам после школы можно будет ез-

---

¹¹ обломочная горная порода, сцементированный гравий. Его наличие свидетельствует об интенсивном размыве более древних толщ.

¹² обломочная горная порода с обломками диаметром более нескольких миллиметров, как окатанными (валуны, гальки, гравий), так и неокатанными (глыбы, щебень)

¹³ Магматические горные породы, иногда содержат алмазы промышленных концентраций.

дить в университет на лекции к тем преподавателям, куда скажет дед, на занятия к вечерникам.

– Ты ж хочешь счастья в жизни? Ну так в поход за счастьем надо правильно собрать пестерь, – смеялся дед.

– Что собрать?

– Ну, рюкзак по-старинному. Что, Мурашок, пойдем, поколдуем? Вижу – извелся уж весь.

И они, прихватив с собой бутербродов и термосы, спустились в подвал. Можно было остаться в большой мастерской, можно было подняться в маленькую, которая располагалась на первом этаже малухи, как называл дед меньший свой домик в два окошка. Но в маленькой мастерской все было простое, станки для распила и огранки, к тому ж очень шумные, особенно если включать и вытяжки для каменной пыли. Эта мастерская была, в общем, для отвода глаз. Если закрыть люки, сверху ни за что не догадаться, что внизу хоромы. В малуху можно было и через двор ходить, пилить яшмовые плашки или «яблоки» вытачивать, учишь сколько хочешь, и Мур решил, что обязательно научится – но больших камнеобрабатывающих станков пока побаивался. Да и внизу было в сто раз интересней. Сам он пока ни к чему не притрагивался, только смотрел во все глаза. А дед почему-то был этим очень доволен:

– От тех-то, кто за все дуром скорей хватаются, толку не жди, такая примета. Тише едешь – дальше будешь, да, Мурашка?

Ну и рассказывать никому никогда о нижней мастерской, понятное дело, было нельзя. Как будто подземный этаж и все, что наверху, – это два разных мира, которые не должны соприкасаться. Мур даже старался не вспоминать. Вышел – и забыл. И так голова пухнет от геологии Урала.

Доставили присланные мамой через экспресс-доставку его вещи: одежду (прежнюю и новую, которую мама напукнула «для уральских морозов»), школьное барахло, не разбирая, кроме учебников, которые пришлось вернуть в старую школу, она сгребла все в коробку до последней тетрадки, добавив десяток финских шоколадок, плюшевого муми-тролля и новогодний подарок с конфетами. Она звонила каждый день, рассказывала о том, как они обживаются на новом месте, но на самом деле оба понимали, что каждый такой звонок – это словно проверка: а ты тут? Ты все еще мой сыночек, а не чужой Мураш? Сказала про близнецов:

– Да они места себе не находят без тебя!

Мур сначала не поверил: не так уж дружно они жили с близнецами, но потом дошло. У младших он был так же прочно вписан в картину мира, как папа, мама, солнце и луна, и теперь в этом полотне у них дырка. То-то они все время шлют ему ссылки на всякую ерундовину, фотки финских девчонок или трансляции хоккейных матчей. Но теперь жаль каждую минуту, которая улетала мимо геологии, камней или дедовых рассказов. Может, дед и его к каменному делу как-то приворожил?

До конца каникул оставалось дня три, когда рано-рано утром, еще по темноте, Долька позвонила и сказала:

– А поехали сейчас же на дачу. Вдвоем.

Глава 3. Что-то белое

1.

Они выпрыгнули из электрички на маленькой станции со смешным названием «Ергач» примерно в десять утра, когда красное солнце только-только поднялось над далекими макушками леса. Все бело-розовое, студеное, заваленное снегом так, что не понять, то ли крыша домишки, то ли пригорок. А сверху такой бездонный кобальт, что бессмертие хоть откусывай.

Электричка дала гудок и пошла, пошла, набирая ход, сметая с перрона пушистый снежок, и вмиг скрылась за поворотом. Парочка закутанных фигур, сошедших из других вагонов, подхватила баулы и скрылась за розовым, как пряничный домик, зданием станции, и Мур с Долькой остались одни. Долька молча озиралась и ежилась, будто и сама не ожидала такой зимы. На соседнем пути примерз к рельсам бесконечно длинный состав из пустых платформ, за ним виднелись еще белые крыши и заиндеветшие березы. Зима. Какая ж зима. Мур такой никогда в жизни не видел. Да он вообще подобные станции только из поезда видел, размышляя, как тут можно жить. Ну, вот теперь узнает. Он глянул вслед электричке – опять показалась, что сошел по ошибке, отстал. Долька съежилась еще больше, посмотрела большими и яр-

кими, как зеленые планеты, глазищами и чуть виновато сказала:

– Тут у нас не настоящая дача. А так, домик от бабушки остался. Там холодно, конечно. А печку я топить не умею.

Она выглядела испуганной, и Мур наклонился и поцеловал ее:

– Справимся. Дорогу-то найдешь?

– Я тут только летом была... Сейчас все такое... Как под одеялом.

Пахло от нее мандаринками. С минуту они, уронив рюкзаки, целовались, как будто у них уже правда большая-большая любовь. Тишина, темный шелк ее волос липнет к щекам, и зимнее сияние, и... Вдруг Мура по шапке что-то несильно, на излете, стукнуло и заорала какая-то баба:

– ...Иш оне чо, развратники, марш вон отседа!

Под ноги с воротника упал кусок сосульки и разбился об лед перрона в мелкие осколочки. А на них неслась черная тумбочка, замотанная сверху в красное и развевающееся. Мур дернул Дольку за себя, а тумбочка затормозила и встала метрах в трех. Оказалась теткой в годах. Посмотрела на куски сосульки в руках, уронила – те звонко разбились. Тетка спросила:

– Ай, чо это я? Робяты? Нашло чо-то!

И стала поправлять красный платок. Мур подхватил со льда рюкзаки, взял Дольку за руку, и они остороженько обошли тетку, а та все поправляла и поправляла платок. За уг-

лом домика станции они переглянулись – и засмеялись, ты-чась друг в друга. Потом еще поцеловались и наконец огляделись: в этом мире не было никого. Еще бы – в такой мороз!

– Туда, – показала белой варежкой Долька в широкое пространство между заборами усадебок, посреди которого была прочищена неширокая канава проезда. Борта ее приходились им то по пояс, то по плечи. – Ну и завалило, жуть!

– Что, к весне и с крышами скроет?

Разок встретился прорытый отнорок к калитке домика, из трубы которого валил бело-розовый, плотный как зефир дым. Они прибавили шагу. Снег так скрипел под подошвами, что казалось, за ними еще кто-то идет. Мороз жег щеки, пальцы в перчатках щемило. Солнце, низкое, слепило. Волосы Дольки заиндевели у лица, и она все косилась на них, шла осторожно, чтоб не стряхнуть красоту. Они прошли одну улицу, свернули направо и промчались еще по одной улице почти до самой лесополосы, за которой шумела автотрасса. Наконец Долька встала у большой сосны, покрутила головой, отошла назад и подпрыгнула, чтоб увидеть, что там за краем бруствера. А там, высотой им от груди, лежал нетронутый снег, из которого торчал черный скворечник с синими окошками – будто домик натянул снежное одеяло до самых глаз. Стекла блестели на солнце. Разумно было бы повернуться и уйти обратно на станцию, попить там горячего кофе из термосов, дожждаться поезда и вернуться в цивилизацию. Но Мур видел, что Дольку «несет». Всю дорогу она

то смеялась, то куксилась, нервничала и телефон у нее был выключен. Может, обидели ее дома, может, еще что, но он видел, что девчонке хочется спрятаться в самой далекой норе – и был рад, что она взяла его в эту нору с собой.

– Прoberемся и без лопаты, – у Мура был опыт совместного с близнецами строительства лабиринтов в сугробах. Другой вопрос, что из этих лабиринтов они в итоге выбирались в хорошо протопленную дачу и мама скорей наливала им горячего какао. – А вон сбоку сарайка, может, там лопата есть. Ты стой пока... То есть не стой, а прыгай, что ли... Не мерзни.

И он снял рюкзак и ухнул через бруствер. Снег оказался мягким, проминался легко, и как же хорошо, что дед велел надеть не ботинки, а валенки... Но в валенки он тоже начерпал, снег ссыпался там внутри до щиколоток, начал, зараза, таять... Мур удвоил усилия, и минут через пять добрался до дверки сарая. Откопал ее, как мог, приоткрыл – только дрова. Метла как для бабы-яги, из прутьев... И лопата, как раз снеговая. Фанерка расколотая, но все лучше, чем ничего. Кое-как он протиснулся, дотянулся, ухватил. В сарае пахло пыльными опилками, сквозь щели солнце втыкало в дрова белые прутья.

Он расчищал тропинку быстро, надеясь, что Долька восхитится тем, какой он сильный и ловкий, и влюбится на самом деле, а когда помог ей перебраться через бруствер, уже стало жарко – а Долька постукивала зубами. Тогда он сунул

ей в здоровую руку метлу и велел разметать крыльцо. Вдвоем дело прошло быстрее.

Потом они с трудом – Долька чуть не плакала – нашли ключик за наличником двери. Мур покрутил ключом в ржавом амбарном замке, там захрустело, потом ему пришлось со всей силы эту дверь толкать... Темно, душно, пахнет пылью и сыростью; низкие потолки, окошки с пустыми банками на щелястых подоконниках... На столе разбитая тарелка... Тени в углах... И холодина еще хуже, чем снаружи. Долька как вошла, так и остановилась, обнимая рюкзак. Мур пошарил глазами по углам, нашел электрический автомат, щелкнул тумблером, и над головой у Дольки ожила лампочка цвета мандарина. Мур надеялся, что она разгорится, но та так и осталась мандарином, не особо прибавляя света. Он прошел вперед, заглянул в комнату... Камин! До потолка, закопченный, из простых кирпичей! А на кухне белая стена с железной дверкой – это ж печка!

– Сейчас как все затопим! Я за дровами!

К моменту, когда он с грохотом свалил у печки морозом и пылью пахнувшие дрова, то уже решил, что все это романтический квест. И Дольку надо поддерживать изо всех сил, тогда выиграешь ее любовь. И первое задание – скорей ее согреть. Долька взялась помогать, нашла старые газеты, спички. Мур стал делать все, как учил дед: открыл выюшку, запихал смятую бумагу на колосник печки, настругал ржавым кухонным ножиком лучинок, построил шалашик над бума-

гой, пристроил сверху два полешка потоньше и, затаив дыхание, чиркнул спичкой. Она только зашипела.

– Отсырели, – Долька чуть не заплакала.

Мур полез в рюкзак за жестянкой от советского монпансье, что сунул вместе с деньгами дед, когда услышал слова: «дача» и «девушка». В жестянке лежали таблетки сухого розжига и всепогодные спички. И дело пошло.

Правда, в трубе оказалась снежная пробка, и они задымили весь дом, пока снег протаял, но помог камин, который Мур тоже скорей разжег. А чтоб не мучиться в дыму, он потащил Дольку разгрести снег как следует, велел ей утаптывать дорожки, раз уж грести не может. И они расчистили нормальную тропку к калитке и за дом, а к сарайке уже сама протопталась – столько раз Мур пробежал туда-сюда, таская дрова и скармливая их камину и печке. Наконец, тяга выровнялась, огонь разгорелся свирепо, уверенно – только подбрасывай. Дым вытянуло в трубу, но они еще не закрывали дверь, чтоб все как следует проветрилось. Долька разругнялась, бегая по тропинкам и таская одной рукой по полешку, потом стала подметать в доме, потом пристроила на плиту кастрюлю со снегом, чтоб таял. Через полчаса они закрыли дверь, придвинули круглый стол поближе к камину и сели пить кофе из термосов. Стало можно снять куртки. Стол Долька накрыла «бабушкиной», вышитой петухами скатертью. Бутерброды, печенье, новогодние конфеты! В окна заглядывало солнышко, блестело на конфетных фанти-

ках, бликовало на расписном Долькином лангете. Огонь трещал. Жизнь налаживалась.

Вдруг приблизился и накатила шум поезда. Грохот и вой. Домишко задрожал, задрожали конфеты на столе, даже огонь в печке задрожал и ухнул. Казалось, поезд мчится сразу за этой стеной в выцветших советских обоях. Через минуту стихло. Долька пожала плечами.

– Ночевать будем? Мы вообще насколько? – осторожно спросил Мур.

– Как пойдет, – буркнула Долька. – К школе вернемся... Понимаешь, эту дуру упрямую из больницы забрали, и теперь житья никому нет... А родители тоже, как будто я виновата, все нудят, типа, «ты старше, ты пойми, у нее вся жизнь поломалась вместе с ногой, ты потерпи!»

– Как она вообще?

– Да нормально. Только нервы мотает всем. И молчит все время, молчит! Пиявка!

– А почему жизнь сломалась?

– Да у нее через день соревнования какие-то решающие в Москве должны были быть. Ну, по фигурному катанию. Папа столько денег вложил. Да и она сама утром и вечером, чуть ли не сутками, на этих тренировках, ее и дома не видно было, на школу почти забили, лишь бы каталась, лишь бы медальки, все для нее – и тут вот оно...

– И что, потом вообще нельзя кататься? Заживет ведь все?

– А зачем без призов кататься?

Мур удивился:

– Нравится, вот и катаешься.

– Это «нравится» денег дофига стоит. В большом спорте – теперь не догнать, нет. Все вложения обнулились. Папа бежит. А мама говорит, может, и к лучшему, а то и так она у нас ненормальная, дура упрямая, одни коньки в голове были.

– А она хорошо каталась?

– Очень, – помолчав, сказала Долька. – Тренер чуть с ума не сошел... У него-то тоже перспективы обнулились. Такие девчонки, как Галька, говорит, почти не попадаются. Ну... И все меня винят. Типа на кой мне сдалась эта Егошиха, хвостом перед тобой крутить...

– То я тоже у них виноват?

– Умом-то они понимают, что нет. А виноватых ищут. И Гальку жалко, и себя. Не могу больше их терпеть... Вот я... И сюда... Давай пересидим... Хоть пару дней.

– Ты им только напиши, чтоб с ума не сходили.

– Ты... Ты согласен?

– А чего б нет?

– Ну... Тут так... Бедно... – кажется, она собиралась заплакать. Это его-то веселая, самоуверенная, ласковая Долька! А может, у нее ко всему прочему и рука болит? – И железная дорога грохочет...

– Долька, а тут еда есть? – деловито спросил Мур.

– Откуда...

– Тогда пойдем в магазин! Гречка, молоко, все такое. Тут

смотри как уютно. Бутербродов наделаем, топить будем, истории рассказывать. Поезда слушать! Всегда мечтал ощутить, как люди рядом с железной дорогой живут! Долька! Все нормально будет!

– Денег нету...

– У меня есть!

Мур хотел, чтоб Долька успокоилась. А то какая же романтика. И младшую сестру ее жалко. Мур сам лет до одиннадцати ходил на каток, вернее, его водили вместе с близнецами, тех на хоккей, а его на фигурное, потому что в хоккей таких козьяков, как он тогда, ручки-прутики, не берут. И кататься он очень любил просто так, не ради кубков, хотя какие-то детские, полуигрушечные, где-то валяются... А бросил потому, что в классе прознали и высмеивали, хи-хи, девчачий спорт. Да и отчим тоже поддразнивал. Может, если бы характера хватило никого не слушать, катался бы и катался. Или если бы он больше любил лед... Да нет, правда, конечно, в том, что и в фигурном катании он ни на что не годился. И характера потому что никакого нет. Так что не стоит Дольке рассказывать. Но вот на каток как-нибудь можно с ней сходить. Вдруг еще не разучился.

– Ну чего ты сидишь, – ласково сказал Мур. – Не реви. Пойдем за гречкой. А потом устроим автономное плавание.

На улице сиял мороз. И ни единого человека не видно, ни единого дымка из трубы. Домик стоял на краю деревушки у самой лесополосы, и дальше дороги не было: снегоочисти-

тель развернулся у большой сосны, сгрудил отвалы, а дальше ему незачем. За елками шумела большая дорога: сквозь елки видно непрерывный поток фур, бензовозов, машин.

– Сибирский тракт, – сказала Долька. – Всегда шумит.туда – Екатеринбург, Сибирь, Азия. А туда, домой – Пермь, Москва-Питер, Европа. Отсюда уже недалеко, наверно, до разделителя этого, Европа-Азия. Да, и железная дорога тоже вон, за домом, рукой подать. Шумно, да?

– Ну и что. Город тоже всегда шумит.

И они пошли по снежной канаве улицы обратно к станции, где видели магазин. Какие ж все-таки сугробы! Везде по пояс будет, а то и по шею. Мур вел Дольку за руку. Хотелось целоваться, да и Дольке, в общем... Они встали посреди улицы, приникли друг к другу. Через Долькино плечо он мельком увидел бело-черно-зеленые, мрачные лапы елок – с которых сыпался мелкий-мелкий сверкающий иней. На миг он образовал на фоне хвои словно бы фигуру женщины с длинными волосами. Ветерком иней понесло в их сторону, и показалось, что женщина тянет к ним руки. Иней празднично поблескивал, но Мура почему-то охватила жуть.

– Идем скорей!

Людей по-прежнему не было, расчищенных тропинок к домам – тоже. Жутковато. Около магазина стояла вылепленная из снега, облитая льдом грудастая Снегурочка в криво напыленном кокошнике из зеленой, остро сверкающей на солнце фольги. А может, не Снегурочка, а Хозяйка из гор-

ных, кто их разберет. Все равно красавица. И вокруг нее тоже, как фата, кружился посверкивающий иней. Рядом кто-то воткнул в сугроб стройную, еще совсем свеженькую елочку в обрывках мишуры.

– Уехали и выкинули, чтоб в доме не осыпалась. Да и вообще всем проще в гостиницы, наверно, чем печки топить, – на самом деле у Мура после взгляда на снежную грудь ледяной красавицы мысли были совсем не о елках. Ладонь, в которой была Долькина рука, обжигало. – Это мы с тобой как отшельники.

– От нас, наверно, дымом воняет.

– От тебя воняет только счастьем!

В магазине Мур накупил всего-всего, чего хотела Долька, хотя ничего особенно вкусного в безлюдном магазинчике не было. Но Мур и в городе в кофейне всегда ей покупал все, на что покажет пальчиком с зеленым лаком. Пакет получился таким тяжелым, что по дороге было страшно, вдруг порвется. Зато Мур не замерз. Даже забрал у Дольки пятилитровую канистру с водой.

По дороге все казалось, что кто-то смотрит в спину, он даже пару раз оглянулся – никого. Только на ледяной красотке далеко позади кривой зеленый кокошник шевелился от ветерка, переливаясь и так бликуя, что глаза будто укололо зеленой искрой.

Дом выстыл. Печка прогорела, а вьюшку Мур забыл закрыть. Пришлось начинать топить заново. Вместо того, что-

бы целоваться, а дальше... Он стал бояться, что это «дальше» все так и будет откладываться. В общем, он и не знал, как помочь делу. Это вчера или утром на платформе поцелуй был целью, теперь следовало бы двигаться к следующим целям... Больше бы настойчивости. Больше бы характера. А то Долька подумает, что он слабак... Но он стеснялся: как это, вот просто взять и начать раздевать девчонку? Так что, может, он втайне и рад был тому, что забыл закрыть выюшку. Трус бесхарактерный.

Так что он притащил дров к камину, сложил их на теплой золе, поджег бересту, стало дымно – но горькое утянуло в камин, жар от огня щедро пошел в комнату и теплом дотянулся до притихшей Дольки, и она сняла куртку. Уютно затрещал огонь. Как же тут хорошо. Домик да, старенький, но такой уютный. Радует, наверно, что они приехали и разбудили... Когда Долька вышла на улицу, он взял со стола пару конфет и печенье, положил на блюде и задвинул в подпечье:

– Не сердись, прими угощение, Суседушко, мы к тебе в гости.

Газа в баллоне не оказалось, и гречневую кашу и сосиски они варили на печке. Долька пофоткала огонь в камине и тарелки с советскими цветочками и вроде бы немножко успокоилась. Поели с гречкой всяких вкусняшек, попили чаю из громадных, «бабушкиных», черных с розовыми пионами чашек, которые Долька нашла в серванте. За стеной снова накатил грохот поезда – чайные ложки тихонько за-

звенели, чай задрожал в чашках. Мур огляделся, отыскивая романтику. Нету. Просто грустные, покинутые вещи, оставшиеся от незнакомой одинокой старушки. Они бы и уснули навсегда, все эти чашки-стулья-коврики-тусклые картинки на стенах, да поезда не дают. Наследники выкинули мелочи, оставили, что получше, чтоб было где присесть, если уж приехали, но выглядит все уныло. Он впервые подумал, что Долькина идея с дачей – так себе. Почему предыдущие поколения устраивала нищета? Или не устраивала, но они ничего не могли, только вот, домики-скворечники? Топят они с Долькой печку и камин, топят, а все равно как-то промозгло. И за окнами почему-то потемнело.

– Ой... – прошептала Долька, таращась в окно.

– Что?

– Там... Что-то белое убежало! – она прижала больную руку в лангете к груди и обняла ее, как куклу.

– Птица, может, нет тут никого... Ты чего так испугалась?

– Показалось, наверно...

Мур встал и выглянул в окно: напоззли тучи. Надо в печку подкинуть дров и в камин. Домик еще греть и греть.

– Наверно, сейчас снег пойдет. Долька, пойдем, надо еще дров натаскать, и воды нету, чтоб посуду мыть и вообще. Сейчас, пока печка топится, надо еще снега натаять.

Небо висело низко. Все стало серое. Как будто морозное и солнечное синее утро было в другой жизни. Пока Мур таскал дрова, которых в сарайке не так и много оставалось, Долька

у крыльца миской набивала цинковые ведра снегом, и даже одной рукой у нее получалось хорошо, правда, то и дело она втыкала миску в снег, и рукой пыталась убрать под шапку волосы – а они опять выскальзывали. Временами она выпрямлялась и с подозрением смотрела за забор и по сторонам. Муру и самому мерещилось, что кто-то за ними наблюдает.

– Ты родителям позвонила?

– Не хочу. Написала маме. Но не сказала, что мы здесь, а то папа как примчится, разорется. А потом еще у меня за бензин из карманных денег вычтет. Ну его.

У Мура холодок пробежал по шее сзади. С папы Богодая станется не только разораться. Он подумал, что за эту поездку еще придется отвечать. Но говорить Дольке ничего не стал, а то еще подумает, что он трус.

Он огляделся. Забор, деревья, снега. Тихо, будто толстым одеялом накрыли, и как-то муторно. Странно все ж быть совсем одним в деревне. А может, они и не одни, просто кто-то сидит себе в доме, не высовывается. Сосед такой. Но дыма-то вон нет над крышами? А может, у него электропечки какие. Или топил, когда они не видели. Кто же это смотрит на них? Или кажется? В соседнем доме окна слепые, занавески задернуты; дальше – вообще ставни закрыты. Какая все-таки глушь. Отсюда и не поверишь, что есть город, метро, катки, кофейни, острый отблеск солнца в Фонтанке... Какое метро, какая Фонтанка? Он на Урале. Кама до весны под белой толщей льда, а из маленьких речек он видел только черную

Егошиху подо льдом тогда в логу.

Опять начал приближаться шум поезда, и Мур побежал за дом, чтоб посмотреть. Со стороны станции вывернул электровоз и стремительно попер мимо вагоны, вагоны, вагоны. Дальнего следования, скорый, так мчится, что лиц в окошках не разглядеть.

– «Урал», – сказала Долька. – Из Москвы, пустой почти. Я тоже хочу в Москву. Ты был в Москве? У вас же там рядом.

– Был. А в Петербург давай на весенние каникулы поедем? Хочешь?

– Очень хочу, – Долька подошла и поцеловала его.

– Значит, поедем, – Мур тоже стал ее целовать, но очарование почему-то не наступило.

У него возникло тягостное чувство, что Долька лепит все их отношения ради того, чтоб он позвал ее в Петербург. Хотя какая разница! Да хоть в Москву, хоть в Хельсинки, хоть в Сидней! Мир большой! Долька же красивая такая. Зеленоглазая, как весна. Хотя... А какие у нее глаза на самом деле?

Закружились первые снежинки. Через минуту повалило так, будто мешок с пухом распороли прямо над домом, и они ушли на крыльцо. Стояли, смотрели. Снег падал и падал. Мир исчез.

– Завалит... А темно как. Вроде же еще не поздно?

Мур посмотрел на часы и не понял, куда ушло время. Он заметил, что калитка открыта – разве они не закрыли? Захотелось закрыть, хотя кто тут может прийти? Да и кого она

удержит? Он все-таки прошел по глубокой, выше пояса, дорожке, закрыл калитку. Заметил, что снаружи у калитки на их следах сквозь пухлые снежинки что-то поблескивает зеленым – кокошник с ледяной красавицы! Ветром придуло, что ли? Подбирать не стал, пошел к Дольке. Она на крылечке сиротливо прислонилась к столбику, и он, подойдя, скорее ее обнял. За домом снова потянулся поезд, длинный неторопливый товарняк, на этот раз из Азии в Европу, с лесом, с цистернами мазута и нефти, и звучал глухо – только дрожь отдавалась через перила крыльца.

– А раньше еще больше поездов скорых ходило. Я помню... «Сибиряк», «Томь», «Байкал»... Бабушка по ним жила, как по часам. Самая красивая была «Кама», из Перми в Москву, голубая такая, мы один раз на ней ездили, только еще до Гальки, я маленькая была. Но «Кама» не тут ходила, а в другую сторону от Перми, по большому мосту...

Нельзя, чтоб она грустила, как старушка, и он повел ее в тепло. В доме все равно пахло сыростью, было душно. Ок, если Долька скажет: «Поехали в город», то и поехали. Он проверил баланс на карте: на билеты хватит. Но Долька не говорила про город. Помешала, чтоб снег быстрее таял, талую воду на плите, правда, сначала от ведра отшатнулась, потом долго недоверчиво смотрела в воду, Мур и сам посмотрел: под слоем воды с мелким сором – дно с осадком песка. Не из колодца ж. А она как водяного увидела. В общем, надо развлекать. Погулять снова? А на улице снегопад, небо низ-

кое, темное, и...

– О-ой, – жалко сказала Долька, пятясь от окошка. – Там опять. Белое. Пробежало.

– Зайцы, наверно, – махнул рукой Мур. – А тут пусто, они и обнаглели.

– Ну, может, и зайцы... Блазнит, что ли?

– Блазнит?

– Мстится.

– А?

– Мерещится.

– Да снег просто... Надо посуду помыть, – Мур вытряхнул остатки снега в ведро на плите. – Пойду еще принесу, пусть тает.

– Там темно... Я с тобой!

– И правда темно... Ты темноты боишься, бояка?

– Нет! Боюсь, вдруг кто-то белый снова заглянет!

Мур включил свет на веранде, на крыльце и в сарайке, осветив дрова и лопату с метлой, но яркие квадраты на снегу и сияющие окошки дома делали тьму вокруг только страшнее. Далеко-далеко по улице сквозь метель светил желтой точкой фонарь.

– Странно, что фонари не горят. Тут у нас вон тоже столб, видишь, и у соседей вон...

Долька не ответила, мрачно глядя на хлопья снега во тьме. Эта снежная темнота стеной стояла сразу за квадратиками света. Он в такой косой шахте света у крыльца миской как

можно плотнее набил цинковое ведро снегом. Наверно, в темноте далеко видно их мандариновый, веселый свет из окон. Уже стемнело. Хотя кому смотреть, кроме машинистов... А вдруг кто в самом деле подойдет по расчищенной тропке и заглянет... Тут деревенским скучно же в снегах зимовать... А они с Долькой за грохотом поездов и шумом тракта и шагов-то не услышат.

Входя, заметил в сенях на лавке большой пластиковый контейнер со свечками и обрадовался, как ребенок:

– Долька, смотри! Мы сможем побороться с тьмой!

Долька заойкала, нахватала полные руки свечек и давай их резать, по банкам распределять, капала парафином, приклеивала. Кухонька озарилась трепещущими огоньками: какие рефлексы! Какие блики! И все эти сияющие банки из голубоватого советского стекла, тесно составленные на кухонном столе, наполненные пляшущим рыжим светом, волшебными фасетками отражались в зеленых Долькиных глазах. Она грела над ними пальцы, улыбалась, смешно сдвигала бровки, прилепляя очередную свечку к дну банки; потом фоткала все это, потом расставляла по комнате, даже вынесла на крыльцо и на тропинке штуки три поставила, опять фоткала и сияла сама, как свечечка. Мур подбросил дров в камин, наташил к нему старых одеял и подушек, прилег, стало жарко, Долька прикорнула рядом, сняла свитер...

Мур проснулся от грохота поезда. Время было ночь. Темнота. Поезд прошел, и стало слышно тишину. Потом донесся гул большегруза с тракта, и опять все стихло. Снилось, он еще помнил, какая-то пафосная дурь: будто он, как ангел смерти, реял вдоль черной Невы, которая Лета, на вороном коне, и мановением длани расставлял по берегам порталы между тем и этим светом, снаружи украшая их греческими портиками, как требовал того архитектурный режим Санкт-Петербурга, а внутри втыкал богов утешения по выбору заказчика. И приснится же. Сроду такого не видел. Может, после геологического надо на архитектурный идти, чтоб знать, как из камня строить грандиозные шедевры? Не сидеть ведь всю жизнь в дедовом подвале за мелочами...

Как холодно. Он опять забыл закрыть выюшку. В трубе тихонько воеет. Как они уснули, почему? Мур ведь спать не хотел, он хотел совсем другого, того, которое «дальше»... И уснул. Кажется, они даже не целовались. Долька точно подумает, что слабак. Свечки еще кое-как мерцали, пахло парафином, камин давно прогорел, комната выстыла. Пол ледяной. Долька рядом съежилась под кучей одеял. Ее вон тоже сморило. Надо перенести ее с пола на кровать, и снова печку топить. Есть хочется. И пить. И... Мур пересилил себя, встал; первым делом закрыл выюшку над камином – в трубе смолкло; зевая, выюшку на кухне, наоборот, открыл; натолкнул в печку полешков, подсунул растопку, запалил; печка дружелюбно загудела. Он налил в эмалированный чайник

воды из канистры, пристроил его на железный лист в нише над топкой. Такая плита, да... А гречка где, а колбаска?

– Ай, – чуть слышно выдохнула Долька в комнате. – Ай, Мурчик! Там! Она шевелится!

Мур вбежал к ней и сунулся к окошку. Посреди двора прямо на дорожке торчала ледяная статуя, облитая луной, как сахарной глазурью, от нее к дому по дорожке тянулось синее копые тени. В этой тени, у самого подола ледяной красавицы, в стеклянной банке слабо мерцал огарок. А как только он потухнет... Надо успевать... Руки тряслись. Низко на небе, как выход из тоннеля, зияла белая луна. Все было недвижно; блестел снег. Мур, выдираясь из оцепенения, оглянулся в теплую темноту: Долька стояла у камина, кутаясь в дрожащее одеяло. Даже если им обоим блазнит – зачем, чтоб девочка боялась? А еще вроде бы нельзя на снеговиков ночью из окна смотреть...

И вдруг дошло, как обухом по лбу: откуда она здесь? Красавица эта ледяная от магазина? Сама пришла? Ага, за зеленым кокошником.

Мур набрался храбрости, накинул куртку; взял в сенях штыковую лопату в присохшей неизвестно с какой осени земле, вышел наружу: свежий, чистый снеговой холод. Посмотрел на красавицу – очень красивая. Лицо как из мрамора выточено. Может, правда из Горных девок? Кто ж знает, какие они на самом деле и что могут? Но где Ергач, а где горы... Ой. Ой, мама. А ведь через станцию отсюда – Кунгур.

А там эта знаменитая пещера... Ледяная.

Так, только не смотреть ей в лицо. В мозгу зудели стишки: «Раз, два, три, четыре – ай! Слышишь счёт мой? Убегай... Если ты не убежишь, я убью тебя, малыш...» Ох. Чуть-то какая. Ломая наст, подошел и на те же, из стишков, «раз-два-три-четыре» порубил хрусткую красавицу на рассыпающиеся как сахар куски. Башка откатилась кочаном, злобно уставилась белыми глазами. И вдруг раззявила рот и сказала:

– Пппыыхххх...

Повалил пар, снежная маска, распадаясь, проваливалась в никуда – это Долька сурово поливала ее кипятком из чайника. Потом полила место, где она стояла – пар облачком, кривясь, тараша дыры глаз, окутал Дольку – она замахала руками, чихнула – и растаял. Долька еще раз чихнула.

Потом сходила в дом и вынесла еще банку со свечкой, подпалила, поставила у крыльца. Принесла еще, и Мур помог расставить банки на дорожке. Огоньки жалко мерцали во тьме. Но вон тот огарочек – он же справился? Остановил? А если бы Мур вовремя не проснулся?

Снова Мур проснулся, когда уже светало. Снилось опять дрянь, будто стоят они с Долькой в сквере у Зимнего в очереди на черную карусель без лошадок, дощатый, затоптанный, плавно вращающийся круг – там, где в нормальной жизни был фонтан. Люди, суетливо ступив на черные доски, тут же исчезают... Долька тащит его туда за руку, а он упирается,

не хочет.

Тяжелый сон. Тоскливый. Мгла и печаль. Где-то он читал, что снеговики или всякие снежные тролли могут насылать страшные сны. Но ведь он сломал красотку? Долька, притиснувшись, посапывала рядом. Ненаглядная. Только прохладная какая-то, замерзла? Он скорей укрыл ее вторым одеялом. Как бы не заразить ее своей тоской. Опять просочились стишки: «Темный дом стоит в бору, я уже к тебе иду...» Тьфу. Мур с детства знал, что, если посмотришь в окошко на утренний свет, сразу все ночное развалится, растает... В окно смотрела белая харя.

И тут же он понял, что это язык из снега, наметенный пургой на стекло. Но ведь смотрит же, смотрит. Следит за ними. Он тихонько встал, чтоб не разбудить Дольку, задернул занавеску – пусть снежная харя смотрит на вылинявшие цветочки. Пошел на кухню умыться у рамоуника.

Какая талая вода все ж противная, скользкая какая-то... Уехать? Что тут делать? А вдруг еще припрутся какие-нибудь ледяные буканы? Так и с ума недолго съехать. И вдруг подумал странную, взрослую мысль: он просто человек, молодой парень, и он не бессмертный. А жизнь когда-нибудь кончится. Сейчас – к вершине, потом – под уклон. Жутко думать об этом, но это так. Почему взрослые делают вид, что смерти нет? Если ее нельзя избежать, то не умнее ли делать вид, что ее нет? Но все о ней помнят, и, наверно, настоящая любовь – это вместе делать вид, что смерти нет? Жалеть друг

друга и беречь?

Тогда надо уезжать. Он посмотрел в комнату на кровать, где под ворохом одеял съежилась Долька. Будто почувствовав взгляд, Долька зашевелилась и села. Мур хотел спросить, что это было ночью, и могут ли горные девки вселяться в ледяные скульптуры, но вовремя прикусил язык. Долька сидела в одеялах какая-то выцветшая. Меж бровей хмурая складка, и взгляд ошарашенно растерянный. И в окошки все поглядывает. Может, это все из-за него? Может, она думает, что Муру тут плохо, потому что тут все так скромно, бедно, думает, что он хотел дворец?

– Долька, я тебя люблю, – громко, ясно сказал Мур. – Что делать будем? Хочешь остаться – останемся. Нет – поедем.

– Поехали в город, – прошелестела Долька.

Ночью, защитившись от тьмы банками со свечками, они опять топили камин, и Долька все болезненно жмурилась – Мур заметил, что белки глаз у нее вокруг линз ужасно покраснели, от дыма, наверно, и уговорил ее линзы снять и промыть глаза хотя бы заваркой. И теперь она, наверно, стеснялась, что смотрит на Мура глазами не волшебными-зелеными, а обыкновенными, светло-серыми, совсем как у ее сестры Гальки. Глаза как глаза, только непривычно светлые. И еще рука у нее, наверно, болит в этой зеленой с разводами скорлупе. Может, чаю попить? Но бутылка с питьевой водой из магазина опустела, а при мысли о том, чтоб попить талой воды, Мура едва не вывернуло. Может, на вокзале есть ко-

фейный аппарат? Кое-как они собрали остатки еды в рюкзаки, немного прибрались. Долька что-то замешкалась, и Мур один вышел на крыльцо. Холодно. Пахло снегом. Налетел ветер, бросил в лицо колючую смесь микроскопических ледышек и инея – Мур уткнулся в воротник куртки, чтоб только не вдохнуть. А Долька, только что вышедшая, чихнула, потом аж закашлялась; у Мура потемнело в глазах и показалось, что Долька растворяется, как пар... Чушь какая. Морок. Блазнит. Мстит. Мерещится. Да что ж это за чертовщина такая? Он дернулся и, нервно погрохотав замком, схватил Дольку за руку и потащил к калитке. Закружилась голова, а внутри все немеет от холода... Он перепрыгнул банку с огарком и то место, где валялись куски ледяной красотки. Все равно вода останется водой, она бессмертная, хоть снег она и лед, хоть вода, хоть пар. Растают весной эти куски, вода испарится, полетает в облаках, прольется летними дождями, снова испарится, а новой зимой те же молекулы выпадут снегом и, может...

Кофейного аппарата на вокзале не было. И вообще он был заперт, а расписание на стене гласило, что электричка на Пермь ушла час назад и следующая будет только в середине дня. Зато в другую сторону будет через пятнадцать минут. Долька провела грязной белой варежкой по расписанию и опять свела бровки. И вдруг лихорадочно засияла:

– Мурчик, ты лучший из всех парней на свете; давай... Знаешь что, путешествие с тобой куда угодно – мечта всей

моей жизни! – она окинула его странным быстрым взглядом. – Я должна поздравить саму себя с безукоризненным выбором! – Долька вдруг попятилась, потрясла головой, потерла лоб. – А в город не надо. Каникулы еще. А, Мурчик, милый, давай в город не поедем еще! Поедем в Кунгур! Он этот... Город-музей, вот! Давай? Что нам в город, где нам там встречаться? Квартирку снять? А тут и покатаемся, и... Там базы отдыха везде, а еще гостиница «Сталагмит»!

Мур смутился. Денег мало. Долька как прочитала его мысли. Вытащила телефон:

– Ну, я за добычей... Мама? Мама, да все со мной в порядке. Все хорошо. Я же написала. Я в Ергаче на даче. Мы. С Муром. Мама, если ты будешь на меня орать, я выключусь совсем. Мама, подкинь мне денежек на еду и все такое, пожалуйста. Да все в порядке, просто, ну, каникулы же... Да, мы хотим в Кунгур... В музей, и в пещеру еще... Спасибо... Папа? Со мной все в порядке. Нет, я не сбегала из дома. Нет, не планирую. Нет у меня никаких обид. Все со мной хорошо. Папа, я большая девочка. Я сама его пригласила. И у нас все в порядке. Сейчас съездим в Кунгур и к вечеру вернемся. Еще не знаю, куда, в Ергач или домой. Папа, добавь мне денежек, а то я боюсь, что на билет не хватит. Спасибо, пап.

Неужели это его Долька – такая четкая и жадная? Долька спрятала телефон и улыбнулась:

– Не хочу в город. Хочу тебя всего и насовсем, – и снова она улыбнулась, чуть заметно тронув язычком губу. Мура

встряхнуло. Ее, впрочем, тоже, будто она сама не подозревала, что умеет тааак. – Знаешь, я бы прямо сейчас... Но давай уедем подальше. Поцелуй меня!

– С тобой – хоть на полюс, – поцеловал он прохладные, будто не Долькины, губы. – Ну, в Кунгур – так в Кунгур.

Подкатила, свистнув, электричка; они запрыгнули в вагон – народу почти нет – уселись у окон, когда пейзаж за окном уже стронулся, поплыл, ускоряясь. Приникли к стеклу, выглядывая домик – и вот он, край поселка, и вот синие окошки из-под белой крыши. Неужели ночью все это правда было? Огоньки свечек в банках и ледяная жуткая красавица, что сама пришла?

Наверно, Мур на заснеженных улочках Ергача где-то пропустил поворот к реальности. В голове мгла и бледные Долькины губы; лишь в кратких размывах ясности скачут испуганные мысли: зачем им в Кунгур? Что это такое с Долькой? Что вообще не так и почему страшно? Но стремительное движение поезда, стук колес, черные елки, бегущие снаружи, не давали подумать о непонятном. И теперь он ехал и ехал, зачарованный черно-белой зимой за окнами. Долька иногда придвигалась, и холодный, как замороженные ягоды рот мягко трогал щеку, висок и – если урывком к ней повернуться – губы. Мерзнет, что ли... Он тоже мерз. Но все же храбро скрывал озноб под улыбкой. Он счастливчик, потому что у него есть Долька. Но внутри копилась странная, тоскливая стужа.

Как много леса за откосом насыпи. Черного, не людского. Нечего человеку делать зимой в лесу. Природе человек вообще не нужен, она с ним борется, как иммунная система с раковой клеткой. Вон там под елками снегу под горло, провалишься и все, рой берлогу и спи до смерти вселенной. Причем и снег, и елки, и застрявший в зиме весь мир вовсе не враждебны – они тупы, как вся природа, и заняты собой. Какие страшные и черные елки. Они растут, падают, гниют и снова вылезают из земли, которая бесконечными промерзшими пластами лежит под тяжелым снегом. Бессмертие такое у елок. И у земли и снега. У людей бессмертия нет. Из земли они лезут только в глупых фильмах.

От усталости и стресса немного тряслись руки. Мур потер лоб. Что это за мысли такие ужасные, и откуда они лезут – но раз пришли, значит, есть основания?

Он посмотрел на Дольку: холодное белое лицо с презрительно полузакрытыми глазами, губка чуть приподнята в неживой улыбке, обнажая край зубов. После смерти зубы у человека долго-долго будут выглядеть, как при жизни. Ничего не останется: ни щек, ни глаз, ни даже следа плоти, все сползет черной слизью, станет землей – а зубы обнажатся. Почему оскал черепа называют улыбкой?

Краем глаза он заметил, что Долькины пальцы как-то беспомощно, чуть заметно, скребут по джинсовым коленкам. А может, в Дольку вселилась какая-то снежная жуть, какая-то горная девка, и она сейчас, Долька настоящая, стиснута там

внутри, заперта в темном углу, заморожена, и все, что может – жалко скрести пальцами... Чушь какая. Меньше надо хорроров смотреть. Он закрыл глаза. И вроде бы даже задремал. Снилось опять что-то черное. Как земля. Он силой выдрался из дремы. Долька механически улыбнулась. Она, кажется, даже не шевельнулась за все время, что он дремал. Что делать-то? Белая какая вся, даже в тепле не согрелась.

Скоро замелькали панельные дома, крыши и щиты с рекламой – Кунгур. На вокзале, схватившись за ожегший холодом поручень двери, Мур как проснулся. Снаружи все тот же свирепый январь. Знобит. И небо опять как серый войлок и еще все темнеет, того гляди, снег пойдет. Тяжелая голова. Мутит. Как мерзко пахнет городом: бензином, людьми, супом из форточек. Обшарпанные какие-то домишки, все под снегом, как под одеялом. На улице Долька прильнула опять – и ледяной поцелуй ее тоже пах бензином. Ой. Кто это рядом? А он и забыл, что у него тут девушка... Никогда раньше Долька не казалась такой бесцветной и будто бы чужой. Он одернул себя: это же Долька!

– Может, ну их, музеи? Посидим на вокзале и домой.

– Нет уж. Пойдем, пройдемся. Или зачем мы сюда ехали?

Они, держась за руки, пошли куда-то вперед, мимо почты, мимо небольших домиков, мимо магазина автозапчастей. Улица впереди выворачивала на мост через реку. Мур прочитал синий указатель: «Сылва». Куда их занесло и зачем? Сил додумать мысль не было. В глазах – черный снег.

По улице редко проезжали машины, шли тетки с пакетами из магазина или с детьми, девушки парами, мужик с ящиком для инструментов. Он смотрел на них как из-за стекла. Они там, а он – здесь, с тихой, как мертвая, Долькой. Он притянул ее к себе, стал целовать – вроде ожила, ответила. Зашипела мимо проходившая бабка, и Мур отпустил Дольку, но покрепче взял за руку. Подумал, что еще один поцелуй с Долькой – и он навсегда перестанет быть собой. Почему-то поверилось в это легко. Но ведь чушь?

Ой. Он опять будто проснулся. Оказалось, из-под ног в полуметре уходит откос вниз, с крутого берега в далекие прутья торчащих из снега кустов вдоль серого полотна льда. Мур отшатнулся. Даже голова закружилась: и угораздило остановиться на краю, в пустом двухметровом промежутке между перилами моста и ограждением для пешеходов. Прошел вперед, к перилам, посмотрел: с моста открывался черно-белый пейзаж. Все как нереальное. Какой-то ужас стыл в этой белизне реки и черноте лесов под серым небом. Торчащие по холмам вокруг елки казались хребтами обглоданных ящеров, и Мура замутило от бесконечности равнодушного пространства. И вдруг смысл этой бесконечности проткнул его ум сухим, растопыренным остовом елки, с которой сыпалась последняя рыжая хвоя: в пасмурном просторе, на высоком мосту через скрытую мертвым льдом реку, видно во все стороны и предельно ясно, что ты жертва, ты обречен. Ящеры вымерли. Люди тоже умрут все.

Разве это его мысли? Кто это думает такое в его пустой голове?

Долька перегнулась через перила и смотрела вниз, и ответ серого пространства делал ее лицо совсем неживым. Мур оттащил ее от перил, обнял, как холодную куклу, и они долго стояли вплотную, почему-то не целуясь. Он заметил, что облачка пара от его дыхания тут же вдыхает она. А ее дыхание, остывшее, вдыхает он. И потому так холодно внутри. Он чуть отодвинулся. Но вдруг Долька навсегда останется мертвой, даже если будет казаться живой?

– Нам нужен мост повыше, – сказала Долька, покосившись за ржавые перила. – Через Каму. Он громадный. Поехали в Пермь.

– Зачем нам мост?

Долька не ответила, пошла назад, к вокзалу, и ее рука, вцепившаяся в пальцы Мура, стала похожа на клешню скелета. Ершиком встали волосы сзади на шее, в животе все смерзлось в острые ледышки. Похоже, это правда не Долька. А кто-то внутри Дольки. Бросить ее, убежать? Но куда Долька тут? С черт знает чем внутри? Что делать-то? Голова мутная, воли нет, и промерзший насквозь Мур шел послушно, забыв про мост: надо в поезд, потом ехать... И это тело что – все, что осталось от Дольки? Потому что настоящая Долька в жизни бы не стала вот так играть задницей, она целоваться-то еще вчера толком не умела...

А сколько времени? Такая темень то ли вокруг, то ли в

уме... Мур неуклюже обогнул дорожный столбик из рядка, отделявшего проезжую часть от тротуара, через силу пожал как будто чужие пальцы, остановился:

– Стой. Что-то не так. Что-то совсем не так.

– Какой ты сильный, малыш, а? – с досадой сказала она.

– Я не пойду ни на какой мост, – сказал он в белые глаза.

– А я пойду! Отвези меня туда!

Если в Перми черт знает что в облике Дольки затащит их на мост через Каму... Мур представил железнодорожные фермы высоко над черными промоинами в белом полотне широкой-широкой реки, пар дыхания, который там, на высоте, выпьет из него Долька, и его слегка затрясло. Долька же боится высоты. А тварь в ней – нет. И угробит их обоих... Долька выдохнула холод ему в лицо, и что-то в его мозгу сладко зашептало: как же Долька красиво полетит вниз, на лед, а то и напрямик в черную, дымящуюся промоину, и жалкий последний парок, что вырвется из их легких, смешается с паром от воды, и... Что это рычит?

И что, жить Дольке или нет, решит какая-то нереальная дрянь? – рванулся из этого морока Мур. Долька шла к вокзалу и тащила его за собой, как теленка. Он уперся было, даже схватился за столбик ограждения – но тут двигатель взревел уж совсем близко, раздался удар, звон, треск и лязг, кто-то истошно заорал, мимо пролетел погнутый столбик ограждения, сверкая белыми и красными стекляшками катафотов, – и время остановилось.

Мур оглянулся, как деревянный: какая-то ржавая «буханка» врезалась в рядок столбиков, они и разлетались во все стороны, не остановив ее, но замедлив; один хрястнул Мура по локтю, но боль не успеваает; бампер «буханки» вмялся, и решетка радиатора тоже, а фару сорвало и она, как каска фашиста, кувыркаясь, летит вниз, в овраг за откосом, и низко воеет и рычит безумно медленно летящий мимо старый автокран с черной надписью на желтой стреле «Мотовилиха»; и вот сейчас «буханка» собьет последний столбик и врежется в них. Мур схватил Дольку и отпрыгнул назад, зацепился за поребрик и, уже падая навзничь, перекинул Дольку за себя, чтоб как можно дальше, дальше от ржавой тяжелой «буханки» и еще каких-то страшных грязных кусков железа, рушащихся за ней, как с неба... Гнутая дверь от «буханки» пролетела вперед и влево и врезалась в подбрюшье встречного, истошно ревущего автобуса.

Долька грянулась на утопанный снег, и из нее вышибло облако белесого пара. «Буханка» не смогла сбить столбик, запнулась и по инерции ее занесло и поставило на капот. Покачнулась – но устояла. Почему-то у нее не было колес. Мур перевернулся, встал на колени над Долькой, сталкивая, сметая с нее крошащийся, стремительно тающий снег. Кто-то орал, кто-то бежал к ним. Автокран остановился, и тяжелый, как-то ненадежно зацепленный за трос крюк закачался, кажется прямо над головой Мура. Он зачем-то посмотрел на слово «Мотовилиха» и выше увидел тающее, уноси-

мое прочь за стрелу, как за крепостную стену, туманное лицо ледяной красотки со злыми дырками глаз. Водитель лязгнул дверью, затопал, огибая кабину. Объехав буханку, остановилась еще машина, кто-то грузно выпрыгнул из нее, совсем рядом, и Мура обдало комками снега:

– Живая?

Мур раздернул зеленое пальтишко, прижался щекой – Долькина жалкая, полудетская грудка мягко подалась под ухом: сердце тук-тук. Тук-тук.

– Живая.

3.

Дом деда в Кунгуре оказался хоромами в два этажа. Тепло и уютно. Безопасно. Долька тут сразу перестала реветь.

Проснувшись к вечеру, Мур сидел и никак не мог в уме сложить из кусочков пазла целую понятную картину: домик в снегу, окошки в синих рамах, свечи в банках, вокзал, вагонные лавки, снег, ледяная красотка, «буханка» без водителя и даже без колес, криво стоящий у обочины тягач с полным кузовом металлолома, скрежеща, расплзающегося и с грохотом брякающегося на дороге, Долька, которая открыла глаза, встала, как ни в чем не бывало, и заревела с испугу – не могла вспомнить, как сюда, на мост над Сылвой, попала. Потом Скорая, неторопливо объезжающая «Мотовилиху», потом остов «буханки», потом автобус. Катастрофа позади. Врач Скорой, успокаивающе, размеренно что-то им с

Долькой говорящий. Дольку надо было утешать, и Мур сидел в Скорой с ней в обнимку, грел ей ледяные ладошки и пытался и ей, и врачу объяснить, что они приехали с дачи в музей, что пошли с вокзала не в ту сторону, а тут этот автокран – вот только он и сам плохо помнил, что произошло, и еще меньше понимал. «Буханка» вроде бы слетела с тягача с металлоломом? Или что вообще было? И язык у него заплетался, и врач спрашивал, не ушибался ли он головой. Потом больница, регистрация, и он вспомнил, что у него есть телефон и позвонил, а дед неожиданно быстро примчался – оказался по делам в Кунгуре. Сразу, конечно, забрал их из больницы, тем более, что они, в общем, и не пострадали, Мур только локоть свой многотрадальный опять ушиб... После того, как дед завел их в дом и напоил чаем из трав, с медом и баранками, их срубило прямо в креслах в столовой. Теперь казалось, что детали пазла в голове из ста разных наборов.

Долька еще спала, свернувшись калачиком в большом кресле, укрытая пледом, только лангет ободранный торчал, словно кто когтями по нему проехал, оставив на зеленом глубокие белые царапины. Из окна светила морозная луна. Мур тихонько встал и пошел на другой, теплый, свет в соседнюю комнату. Дед за столом перебирал какие-то камешки, некоторые разглядывая в лупу. Усмехнулся, увидев Мура:

- А ты ничего, крепкий. Быстро ж они тебя учуяли.
- Что, прости?
- Спрашиваю, эта девчушка-то откуда?

– Одноклассница.

– Влюбился?

Муру оглянулся на темную комнату, прикрыл дверь. Сразу ответить «да» он почему-то не смог. А потом и вовсе пожал плечами:

– Вчера думал, что влюбился.

– Оскоромился?

– Оско... Чего? А! Нет. Целовались только.

Дед с видимым облегчением кивнул:

– Ну и правильно, рано еще.

Муру показалось, что вместо банальной фразы он хотел сказать что-то другое.

– Дома поговорим, – вздохнул дед. – Иди, буди свою щучку, а я чайник поставлю. Попьем да домой поедем. Родители-то у нее небось с ума сходят... И... Ты это... Осторожней с ней. Не рассупонивайся.

– Рассуп... А?

– Не расстегивайся, в смысле, душу на распашку не держи.

Присмотрись сначала.

– Дед, она хорошая девочка.

– Все они хорошие, когда спят, – хмыкнул дед. – Тайной силе видней, насколько она хороша... Видать, не все у нее ладно, у девчухи твоей, глаза-то вон какие голодные. Что-то болит в душе, чего-то надо ей. Иначе б не впустила.

– Впустила?

– А то ты не почуял?

Мур вспомнил всю эту снежную жуть, морок, ледяную Дольку и пожал плечами:

– Да, с ней что-то явно было не так. И я был... Как во сне.

– Падлу она словила, – наверно, деду казалось, что он объяснил. – Ну, злую сущность.

– А? Ты всерьез?

– Не акай. Ты в опасности. Сейчас-то вышибло, потому что девчонку-то ты спас. Вас ведь в самом деле чуть не пришибло металлоломом там на мосту, мне уж рассказали.

– Аварию тоже падла подстроила?

– Они могут, – на полном серьезе сказал дед. – Но этим тварям спасенные хуже отравы, не любят они, когда люди геройничают. Доброты не любят. Так что нету теперь в твоей девчушке никого, не бойся. Может, поболит, конечно, ну да ничего, молодая... А ты... Мало ли, так что на-ко вот, – дед протянул тяжелую штучку, закачавшуюся на кожаном шнурке. – Надень да сунь за пазуху, чтоб не видно. Чтоб больше никто не изурочил. От ударов злых сил защищающий дух, – сказал он немного нараспев и опять усмехнулся. – Надо было сразу тебе дать. Ну, что смотришь? Веришь – не веришь, а надень, мне так спокойнее будет.

– Что это? – штука и впрямь была тяжелой. Из непонятного металла (да он в принципе толком никакие металлы, кроме меди да железа, распознавать еще не умел), странной формы: плоская голова странного зверя с длинным рылом и лапами по сторонам... Такая пряжка. – Я видел в логоу похо-

жую собаку. И у дома видел, из окна.

– Это не собака, – спокойно сказал дед, – это Егоша.

– Кто?

– Да черт ее знает. Тварь такая. Всегда на Егошихе, вот и прозвали Егошей. Ненавидит людей, да и есть за что – речку-то ей убили.

– ...Дух Егошихи? – принял правила игры Мур.

– Я не знаю, – потер дед подбородок. – Но с водой связана, да. С подземной особенно... Водяная старуха, так дедушка мне говорил, остерегал. Вуд Кува по-башкирски или Витэква на манси. Ведьма такая бессмертная. Смотри, не подходи к ней. Сдается мне, она это в девку твою влезала... А может, и нет, горные девки тоже так промышляют, охотятся за такими, как ты, молодыми парнишками.

– Так это Егоша или нет?

– Не знаю. Не видно ее, а так бы тут крутилась. Но точно не скажу, больно хитрая она тварь. А так ее почерк. Всегда она в наших девок влезает, если что не по ней. Отпугивает. А то и губит. То мы и не женимся.

Это ведь не на самом деле. Или на самом? А что, ночью в Ергаче дура ледяная, что сама пришла, Егоша там или не Егоша – тоже на самом деле? Но... вода.... Значит, Егоша там в Ергаче с ними была? Третьей? Его затошнило. Что ей стоило в снежную бабу вселиться, если снег – вода? Подкралась. А потом в Дольку и влезла. Мур ничего и не заметил, пока поздно не стало? Теперь все это казалось сном, таким

же, как про черную Неву и кенотафы по ее берегам. Вдруг...
Поверить в Егощу? Да невозможно. Но ведь он сам видел собаку эту косолапую, которая не собака, а... Водяная ведьма? Как это, Вит-эква? Так, только не поддаваться и не сходить с ума. Должно же быть какое-то реальное объяснение? А дед продолжал, усмехаясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.